

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

М.Л. Бедрикова
В.В. Цуркан

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(РУССКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА)

Хрестоматия

Магнитогорск
2017

УДК 82 (075)
ББК 83я7

Рецензенты:

кандидат филологических наук,
заместитель директора по научно- методической работе,
МОУ «Санаторная школа-интернат №2
для детей, нуждающихся в длительном лечении»
М.Б.Баландина

доктор филологических наук,
профессор кафедры права и культурологии,
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
В.Б. Волкова

Составители: Бедрикова М.Л., Цуркан В.В.

История русской литературы (Русская современная литература) [Электронный ресурс] : хрестоматия / Майя Леонидовна Бедрикова, Вероника Валентиновна Цуркан ; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (0,79 Мб). – Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, любой, более 1 GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MS Windows XP и выше ; Adobe Reader 8.0 и выше ; CD/DVD-ROM дисковод ; мышь. – Загл. с титул. экрана.
ISBN 978-5-9967-0976-2

Пособие (хрестоматия) составлено в соответствии с рабочей программой дисциплины «История русской литературы (Русская современная литература)». Содержит художественные тексты известных писателей последней трети XX – начала XXI вв., которые снабжены вопросами и заданиями для усвоения и закрепления теоретических знаний, списками текстов для обязательного чтения и рекомендуемой научной литературы. Хрестоматия предназначена для обучающихся по направлениям подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование», 45.03.01 «Филология».

УДК 82 (075)
ББК 83я7

ISBN 978-5-9967-0976-2

© Бедрикова М.Л., Цуркан В.В., 2017
© ФГБОУ ВО «Магнитогорский
государственный технический
университет им. Г.И. Носова», 2017

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	4
РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1960-1980-Х ГГ.....	7
1.1. «Военная проза» 1960 – 1980-х гг.....	7
Вопросы и задания.....	15
1.2. «Деревенская проза»	16
Вопросы и задания.....	24
1.3. Натурфилософская проза.....	25
Вопросы и задания.....	29
1.4. «Городская проза»	30
Вопросы и задания.....	32
1.5. Драматургия 1960-1980-х гг.....	33
Вопросы и задания.....	35
РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ. .	35
2.1. Реалистическая русская проза.....	35
Вопросы и задания.....	37
2.2. «Другая проза»	37
Вопросы и задания.....	40
2.3. Постреализм.....	41
Вопросы и задания.....	46
2.4. Постмодернизм	47
Вопросы и задания.....	62
СПИСОК ТЕКСТОВ ДЛЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ.....	65
БИблиографический список	67

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Основу данного издания «Хрестоматия по курсу «История русской литературы (Русская современная литература)» составляют художественные тексты известных писателей последней трети XX – XXI вв. Хрестоматия нацелена на освоение двух значимых этапов в развитии современной русской литературы: 1960-1985-х и 1985-2010-х гг. Литературный процесс рассматривается в свете проблем когнитивных литературоведческих исследований.

В учебном пособии выдержан историко-литературный принцип. Материал расположен хронологически последовательно, что позволяет представить картину развития отечественной литературы наиболее объективно. Русская проза рубежа XX – XXI вв. представлена в основных жанрово-стилевых потоках: «военная проза», «деревенская проза», натурфилософская проза, «городская проза», «традиционная» проза, «другая проза», постмодернистская и постреалистическая проза, а также современная драматургия. В хрестоматии приводятся фрагменты из произведений В. Быкова, В. Гроссмана, В. Астафьева, В. Шукшина, В. Распутина, Б. Екимова, А. Варламова, Ю. Трифонова, Л. Петрушевской, А. Вампилова, А. Терца, Т. Толстой, С. Соколова, М. Елизарова.

Авторы-составители используют когнитивный подход к изучению литературных произведений, включающий в себя анализ ментальной составляющей традиционных, национальных и авторских концептов, рассматриваемых с точки зрения их структуры и семантики. Хрестоматия помогает сформировать у обучающихся не только систему знаний по истории русской литературы последней трети XX - рубежа XX - XXI вв., но и познакомить с новейшими литературоведческими технологиями в изучении литературного процесса. Анализ художественных текстов включает в себя элементы лингвистического и культурологического исследования, алгоритм которого разработан в учебном издании «Антология художественных концептов русской литературы XX века», 2013. Наряду с когнитивным подходом авторы используют элементы системного анализа.

Предлагаемая хрестоматия поможет обучающимся разобраться в наиболее сложных вопросах дисциплины «История русской литературы (Русская современная литература)», подготовиться к практическим занятиям и экзамену в межсессионный период. ЭОР помогает организовать самостоятельную работу: содержит вопросы и задания для усвоения и закрепления теоретических знаний, снабжен списками текстов для обязательного чтения и перечнем рекомендуемой научной литературы.

Структура хрестоматии соответствует типовой рабочей программе по дисциплине «История русской литературы (Русская современная литература)», которая является базовым звеном в историко-

филологической подготовке обучающихся. В пособии учитывается преемственность по отношению к предыдущим курсам и закладываются необходимые основания для подготовки к государственной итоговой аттестации.

Материал хрестоматии предоставляет благоприятные возможности для формирования гражданского и патриотического сознания молодого поколения, для воспитания самостоятельно и творчески мыслящего молодого человека.

Задачи пособия:

- осмысление литературы как особой формы самосознания нации;
- формирование системы гуманитарных понятий, составляющих этико-эстетический компонент искусства;
- развитие эстетического вкуса как условия самостоятельной читательской деятельности;
- создание представлений о разных факторах развития литературы и возможностях многоаспектного рассмотрения ее истории;
- формирование эмоциональной культуры личности, социально значимого ценностного отношения к миру и искусству;
- формирование и развитие умений грамотного и свободного владения устной и письменной речью;
- представление литературного развития России XX - рубежа XX - XXI вв. в его динамике формирование основных эстетических и теоретико-литературных понятий как условие полноценного восприятия, анализа и оценки литературных произведений;
- сравнение концептосфер литературных произведений, самостоятельное выявление линий сопоставления в том числе и с произведениями других видов искусства;
- ознакомление с научной и учебной литературой, научной терминологией;
- развитие умения вчитываться в художественный текст, чувствовать контекст, анализировать, синтезировать материал;
- развивать навыки концептного анализа;
- способствовать совершенствованию навыков самостоятельной научно-исследовательской работы .

По итогам изучения курса студенты должны:

- свободно ориентироваться в учебном материале, соотносить историческую обстановку и особенности литературного процесса, знать основные этапы развития литературы XX - рубежа XX - XXI вв, ее основные жанрово-стилевые пласты;
- определять проблематику и тематику литературного произведения и видеть пути авторского решения поставленных вопросов, уметь определять специфические средства выражения авторской позиции в литературном произведении;

- определять роль отдельных средств создания образа (портрет, пейзаж, интерьер, художественная деталь, речевая характеристика и т.д.);
- понимать особенности художественной речи;
- овладеть методикой концептного анализа, научиться определять образную, метафорическую, ценностную и ассоциативную составляющие как отдельных концептов, так и концептосфер отдельных писателей;
- использовать концепт как инструмент, позволяющий рассмотреть в единстве художественный мир произведения и национальный мир
- уметь сравнивать литературные произведения, самостоятельно вычлняя линии сопоставления;
- выполнять работы исследовательского характера (рефераты, доклады, курсовые проекты).

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1960-1980-Х ГГ.

1.1. «Военная проза» 1960 – 1980-х гг.

В. Быков. Знак беды. Гл. 5

<...> Степанида взяла со двора подойник и пошла в сени. Закрывать за собой сени она побоялась и из сумрака сеней стала наблюдать за немцами, слушая их разговор и отмечая про себя, как Петрок с подобострастием что-то там объясняет и показывает. Кепку при этом он не надевал, и мелкий дождь сеялся на его лысоватую, с жалкими остатками седых волос голову. И они слушали его, не перебивая. Эта его легкость в обращении с немцами не понравилась Степаниде, и она подумала: не поведет ли он их еще и в хату. Пускать их в хату ей не хотелось до крайности, хата казалась неприкосновенным ее прибежищем, которое следовало оберегать от посторонних, тем более чужаков. Хотя бы скорее убрались, думала она. Но, судя по всему, уезжать никто не собирался – они отцепили от огромной машины свою походную кухню, и все, кроме фельдфебеля, с покрасневшими лицами стали закатывать ее во двор. <...> Степанида совсем приуныла – то, чего она больше всего опасалась, случилось: Яхимовщина от немцев не убереглась. Что теперь будет?

Но все шло обычным чередом, независимо от чьей-либо воли, по каким-то своим, иногда страшным, иногда странным законам, которые диктовала война.

<...> Но вот Петрок широко растворил дверь в хату, и они двинулись туда с каким-то даже любопытством на оживившихся лицах. Из-за их спин она будто впервые, чужими глазами увидела свою давно уже не новую хату с перекошенным простенком и потемневшими балками потолка, стенами, оклеенными старыми, пожелтевшими газетами. <...> По всей избе топали чужие сапоги, грубые кожаные ботинки, оставляя мокрые и грязные следы на сухих досках пола, и она подумала: какого черта они тут высматривают? Она все стояла в сенях в напряженном ожидании, когда, наконец, они выметутся. Но они не спеша разговаривали там, поглядывая в окна, осматривая иконы, а фельдфебель, отодвинув дерюжку, заглянул в запечье, и губы его брезгливо передернулись. <...>

Она уже справилась с первым испугом и почувствовала себя тут лишней, ей захотелось куда-то уйти, чтобы не видеть ничего и не расстраиваться: пусть хозяйничают как им угодно. Разве в чем-либо она сможет им помешать? Но она поняла, что оставлять усадьбу тоже не годится, все-таки тут корова, поросенок, ее девять куриц без петуха. Как на беду, корову отвести в поле она не успела, слава богу еще, что перепрятала поросенка, которого теперь не так легко найти за хатой в крапиве. И еще хорошо, что она не выпустила из хлева кур – те хотя и голодают, но, может, пока пересидят в безопасности. Корову же прятать не имело смысла, все равно они про нее уже знают, корову надо было

отвести на выпас. Только Степанида начала искать в сенях веревку, как из хаты выскочил Петрок, его сморщенное, заросшее щетиной лицо светилось каким-то оживлением, почти радостью.

- Баба, яиц! Яиц давай, быстро!!

«Яиц!»— повторила она про себя. Ну, конечно, без яиц у них не обойдется. С яйцами они начинают, чем только кончат? <...>

К своему удивлению, она скоро успокоилась, может, потому, что немцы оказались совсем не страшными, не ругались и не угрожали, вели себя ровно и уверенно, как хозяйева этой усадьбы. Что ж, оно и понятно: они победили, завоевали эту землю, теперь их право делать на ней, что захотят. По всему было видно, что они хорошо знали это свое право и сполна пользовались им. Но именно эта их уверенность в своей правоте вместе с сознанием безнаказанности за то, что не принято делать между людьми, сразу настраивала ее против пришельцев. <...>

<...>Петрок с виноватой неловкостью подступил к Степаниде.

– Вой, вой! – тихо пожаловался он. – Долго квартировать будут.

Она молчала, хотя от тех его слов ей и совсем стало плохо. Но она уже догадывалась, что это надолго. Петрок оглянулся, будто их мог кто подслушать.

– Сказали пол вымыть. Лишнее повытаскивать.

– Куда повытаскивать? – удивилась Степанида.

– Сказали, в истопку. Нам тоже вытряхнуться.

– Что это, лето – в истопку? Придумали...

– Сказали. Чтобы к вечеру все. Их главный приедет.

– Пусть убирают! Пусть все уберут. Пусть подавятся, – сердито сказала она, вспомнив, как Петрок тянулся им угодить. И вот все напрасно, их выгоняют.

В. Гроссман. «Жизнь и судьба». Часть 2. Гл. 21

<...> Его Жизнь в доме 6/ 1 [шесть дробь один] заслонила всё, что было прежде. Хотя эта жизнь была невероятна, она оказалась единственной действительностью, а всё прежнее стало мнимым. Греков! Не совсем ясно, подобрались ли в доме 6/1 удивительные, особенные люди, или обыкновенные люди, попав в этот дом, стали особенными... Греков! Какое- то удивительное соединение силы, отваги, властности с житейской обыденностью.

В доме 6/ 1 люди были не просты. Греков поразил как-то Серёжу [Шапошникова] словами:

- Нельзя человеком руководить, как овцой, на что уж Ленин был умный, и тот не понял. Революцию делают для того, чтобы человеком никто не руководил.<...>

Крымов теперь уж ясно видел в Грекове враждебное и чуждое, чего не могли ни уменьшить, ни заглушить героические дела, творившиеся в окруженном доме. Он знал, что справиться с Грековым.

Когда стемнело, Крымов подошел к управдому и сказал:

- Давайте, Греков, поговорим всерьез и начистоту. Чего вы хотите?

Греков быстро, снизу вверх, - он сидел, а Крымов стоял, посмотрел не него и весело сказал:

- Свободы хочу, за неё и воюю.

- Мы все её хотим.

- Бросьте!- махнул Греков.- На кой она вам? Вам бы только с немцами справиться.

- Не шутите, товарищ Греков, - сказал Крымов. – Почему вы не пресекаете неверные политические высказывания некоторых бойцов? А? при вашем авторитет вы это можете не хуже всякого комиссара сделать. А у меня впечатление, что люди ляпают и на вас оглядываются, как бы ждут вашего одобрения. Вот это, что высказывался насчет колхозов. Зачем вы его поддержали? Я вам говорю прямо: давайте вместе это дело выправим. А не хотите, - я вам так же прямо говорю: шутить не буду.

- Насчет колхозов, что тут такого? Действительно, не любят их, это вы не хуже меня знаете.

- Вы что ж, Греков, задумали менять ход истории?

Часть 2 Гл.15

Михаил Сидорович провел более трех недель в изоляторе. Кормили его хорошо, дважды его осматривал врач-эсэсовец, прописал ему вливание глюкозы. Ночью унтер-офицер эсэсовец вывел его из изолятора, повел по улице. Холодный ветер порывами дул в лицо. Они вошли в двери лагерного управления. Здесь ощущался холодный табачный дух. Мостовской заметил на полу большой окуроч, и ему захотелось поднять его. Минувя второй этаж, они поднялись на третий, конвоир велел Мостовскому вытереть ноги о половик и сам долго шаркал подошвами. Мостовской, задохнувшийся от подъема по лестнице, старался успокоить дыхание. Они зашагали по ковровой дорожке, устилавшей коридор.

Милый, спокойный свет шел от ламп – маленьких полупрозрачных тюльпанов. Они прошли мимо полированной двери с небольшой дощечкой «Комендант» и остановились перед такой же нарядной дверью с надписью «Штурмбанфюрер Лисс». Мостовской часто слышал эту фамилию – это был представитель Гимmlера при лагерном управлении. Осипов рассказывал, что Лисс допрашивал его без переводчика, – он был рижским немцем, знал русский язык.

В коридор вышел молодой офицер, сказал несколько слов конвойному, впустил Михаила Сидоровича в кабинет, оставив дверь открытой. Кабинет был пуст. Ковер на полу, цветы в вазе, на стене картина: опушка леса, красные черепичные крыши крестьянских домов. Мостовской подумал, что попал в кабинет директора скотобойни, – рядом хрип умирающих животных, дымящиеся внутренности, забрызганные кровью люди, а у директора покой, ковры, и только черные телефонные аппараты на столе говорят о связи скотобойни с

этим кабинетом. В глубине кабинета открылась дверь. И тут же скрипнула дверь, ведущая в коридор, – видимо, дежурный прикрыл ее, увидя, что Лисс в кабинете.

Мостовской стоял наморщившись, ждал.

– Здравствуйте, – тихо произнес невысокий человек с эсэсовской эмблемой на рукаве серого мундира.

В лице Лисса не было ничего отталкивающего, и потому особенно страшно показалось Михаилу Сидоровичу смотреть на него, – горбоносое лицо, с внимательными темно-серыми глазами, лобастое, с бледными, худыми щеками, придававшими ему выражение трудовой аскетичности. Лисс выждал, пока Михаил Сидорович прокашлялся, и сказал:

– Мне хочется говорить с вами.

– А мне не хочется говорить с вами, – ответил Мостовской и покосился на дальний угол, откуда должны были появиться помощники Лисса, – чернорабочие заплечных дел, ударить старика по уху.

– Я вполне понимаю вас, – сказал Лисс, – садитесь.

И он усадил Мостовского в кресло, сел рядом с ним.

Говорил он по-русски каким-то бестелесным, пепельно-холодным языком, которым пишутся научно-популярные брошюры.

– Вы себя плохо чувствуете?

Михаил Сидорович пожал плечами и ничего не ответил.

– Да-да, я знаю. Я направил к вам врача, он сказал мне. Я вас потревожил среди ночи. Но мне очень хотелось разговаривать с вами.

«Еще бы», – подумал Михаил Сидорович и сказал:

– Я вызван на допрос. А разговаривать нам с вами не о чем.

– Почему? – спросил Лисс. – Вы смотрите на мой мундир. Но я не родился в нем. Вождь, партия шлют, и люди идут, солдаты партии. Я всегда был теоретиком в партии, я интересуюсь вопросами философии, истории, но я член партии. Разве каждый ваш работник НКВД любит Лубянку?

Мостовской следил за лицом Лисса, и ему подумалось, что это бледное, высоколобое лицо надо нарисовать в самом низу антропологической таблицы, а эволюция пойдет от него вверх и придет к заросшему шерстью неандертальскому человеку.

Лисс поднял ладони, посмотрел на них, сказал:

– Наши руки, как и ваши, любят большую работу, не боятся грязи.

Михаил Сидорович поморщился, такими нестерпимыми показались движение и слова, повторившие его собственные.

Лисс заговорил быстро, оживленно, точно уже раньше разговаривал с Мостовским и теперь радовался, что может закончить прерванный, недоконченный разговор. Он покачал головой. И вновь посыпались ошеломляющие, неожиданные, страшные и нелепые слова:

– Когда мы смотрим в лицо друг другу, мы смотрим не только на ненавистное лицо, мы смотрим в зеркало. В этом трагедия эпохи. Разве

вы не узнаете себя, свою волю в нас? Разве для вас мир не есть ваша воля, разве вас можно поколебать, остановить?

Лицо Лисса приблизилось к лицу Мостовского.

– Понимаете вы меня? Я нехорошо владею русским языком, но мне очень хочется, чтобы вы поняли. Вам кажется, вы ненавидите нас, но это кажется: вы ненавидите самих себя в нас. Ужасно, правда? Вы понимаете?

Михаил Сидорович решил молчать, Лисс не втянет его в разговор.

Но на миг ему показалось, что человек, вглядывающийся в его глаза, не собирается его обмануть, а искренне напрягается, подбирает слова. Казалось, он жаловался, просил помочь разобраться в том, что мучило его. Томительно нехорошо стало Михаилу Сидоровичу. Казалось, иголка кольнула в сердце.

– Понимаете, понимаете? – быстро говорил Лисс, и он уже не видел Мостовского, так растревожен был он. – Мы наносим удар по вашей армии, но мы бьем себя. Наши танки прорвали не только вашу границу, но и нашу, гусеницы наших танков давят немецкий национал-социализм. Ужасно, какое-то самоубийство во сне. Это может трагически кончиться для нас. Понимаете? Если мы победим! Мы, победители, останемся без вас, одни против чужого мира, который нас ненавидит.

Слова этого человека легко было опровергнуть. А глаза его еще ближе приблизились к Мостовскому. Но было нечто еще более гадкое, опасное, чем слова опытного эсэсовского провокатора. Было то, что иногда то робко, то зло шевелилось, скреблось в душе и мозгу Мостовского. Это были гадкие и грязные сомнения, которые Мостовской находил не в чужих словах, а в своей душе.

– Вы понимаете меня, учитель? – спросил Лисс. – Один немецкий человек, вы хорошо знаете его умную работу, сказал, что трагедия всей жизни Наполеона была в том, что он выразил душу Англии и именно в Англии имел своего смертоносного врага. «Ох, лучше бы сразу приступили к мордобою, – подумал Михаил Сидорович.

Лисс закурил, протянул портсигар Мостовскому. Михаил Сидорович отрывисто сказал:

– Не хочу.

Ему стало спокойней от мысли, что все жандармы в мире, и те, что допрашивали его сорок лет назад, и этот, говорящий о Гегеле и Шпенглере, пользуются одним idiotическим приемом: угощают арестованного папиросами.

А Лисс, не заметив, что Мостовской отказался от сигареты, пробормотал:

– Да-да, пожалуйста, правильно, очень хороший табак, – закрыл портсигар и совсем расстроился. – Почему вас так удивляет мой разговор? Вы ждали другой разговор? А разве у вас на Лубянке нет образованных людей? У меня нет тайной цели. Даю вам честное слово. Меня мучит то, что мучит вас. Он улыбнулся, добавил:

– Честное слово гестаповца, а это не шутка.

Михаил Сидорович повторял про себя: «Молчать, главное – молчать, не вступать в разговор, не возражать». Лисс продолжал говорить, и снова казалось, что он забывает о Мостовском.

– Два полюса! Конечно, так! Если бы это не было совершенно верно, не шла бы сегодня наша ужасная война. Мы ваши смертельные враги, да-да. Но наша победа – это ваша победа. Понимаете? А если победите вы, то мы и погибнем, и будем жить в вашей победе. Это как парадокс: проиграв войну, мы выиграем войну, мы будем развиваться в другой форме, но в том же существе.

Для чего этот всеильный Лисс, вместо того чтобы смотреть трофейные кинофильмы, пить водку, писать доклад Гиммлеру, читать книги по цветоводству, перечитывать письма дочери, баловаться с молодыми девушками, отобранными с очередного эшелона, либо, приняв лекарство, улучшающее обмен веществ, спать в своей просторной спальне, вызвал к себе ночью старого, пропахшего лагерным зловонием русского большевика? Что задумал он? Для чего скрывает он свои цели, что хочет выпытать?

Сейчас Михаила Сидоровича не ужасали пытки. Страшно было думать, – а вдруг немец не лжет, вдруг говорит он искренне.

Лисс усмехнулся.

– Тех немецких коммунистов, которых мы посадили в лагерь, вы тоже посадили в лагерь в тридцать седьмом году. Он подмигнул Мостовскому:

– Я думал, в ваших лагерях знание иностранных языков вам пригодилось бы не меньше, чем в наших. Сегодня вас пугает наша ненависть к иудейству. Может быть, завтра вы возьмете себе наш опыт. А послезавтра мы станем терпимей. Я прошел длинную дорогу, и меня вел великий человек. Вас тоже вел великий человек, вы тоже прошли длинную, трудную дорогу.

И новая мысль поразила Мостовского. Он даже зажмурился, – то ли от внезапной рези в глазах, то ли хотелось избавиться от этой мучительной мысли. Ведь сомнения его, быть может, не были знаком слабости, бессилия, грязной раздвоенности, усталости, неверия. Может быть, эти сомнения, изредка то робко, то зло вдруг охватывавшие его, и были самым честным, самым чистым, что жило в нем. А он давил их, отталкивал, ненавидел. Может быть, в них-то и есть зерно революционной правды? В них динамит свободы!

В. Астафьев. Жизнь прожить

<...>Иван Тихонович и Татьяна Финогеновна Заплатины, вечерами любили посидеть на скамейке возле своего дома. И хорошо у них это получалось, сидеть-то на скамейке-то, уютно получалось. И не то чтоб там прижавшись друг к дружке иль взявшись за руки и целуясь - всем напоказ по новой культуре. Нет, сидят они, бывало, обыкновенно, в

обыкновенные одетые, в чем вечер застал на дворе, в том и сидят: Иван Тихонович в телогрейке, в старом речном картузе, уже без золотоцветного знака. Картуз спекся на солнце, съежился от дождей, ветров и старости, и не надет он - как бы впопыхах наброшен на все еще кудрявую голову, от кудрей непомерно большую, вроде капусты, не завязавшейся в вилок. Картуз с сереющим на месте отколупнувшейся кокарды пятнышком кажется смешным, вроде как у циркача, и своей мутностью оттеняет или обнажает смоль крупных кудрей, просвеченных ниточками седины, той августовской сквози, что на исходе месяца желто выдохнется из глубин леса, из падей ли на вислую ветку березы, завьет ее косичкой и грустно утихнет. «Люди! Люди!- напоминает вроде бы желтым просверком береза.- Осень скоро. Что же вы мчитесь куда-то? Пора бы и оглянуться, задуматься...».

Татьяна Финогеновна не желала отставать от Ивана Тихоновича в кудрях, до последнего срока завивалась в районной парикмахерской, когда прихварывала - своеручно на дому калеными коваными щипцами еще дореволюционного производства взбодряла кой-чего на голове, хотя, по правде сказать, взбодрять там уж нечего было, волос почти полностью был выношен под корень, и наново ему не было сил и времени взойти на полянине. Но и с редкими кудерьками, в ситцевом платье, давным-давно вышедшим из моды, в тесном мундирчике с карманами, именуемом в деревнях жакетом, наброшенном на плечи синеньком платочке, в беленьких, вроде бы детских носочках, Татьяна Финогеновна все равно гляделась хорошо, главное - приветливо. Жакет Татьяна Финогеновна все не надевала, уж ближе к осени, в холодную пору, так-то все в платице, в носочках, и если нет платочка на плечах, уж непременно на шее что-нибудь да топорщится, чаще - газовый лоскуток, серо-дымчатый, схваченный узелком сбоку шеи.

Ивану Тихоновичу ближе к сердцу, конечно, синий платочек - краса и память незабвенных лет войны, совсем почти отцветший платочек, с бордовой каемочкой по блеклому полю. Как увидит его Иван Тихонович - стронется его сердце с места или в сердце сдвинется что-то в то место, где теплые слезы, - вскипят они ни с того ни с сего, порой из-за совершеннейшего пустяка, из-за картинки в газете, или покажут по телевизору что военное, либо про разлуку запоют по радио - и вот уж подмоет ретивое, затрясет его что осенний выветренный лист...

Н-да, время! Не один он такой слезливый сделался. Не одного его мяла жизнь, валяла, утюжила, мочила и сушила. На что уж сосед его Семка-оторва - семь раз в тюрьме побывал за разбой и драки - так чуть чего, как баба, в истерику впадает, с рыданьем за голову хватается. «За что жисть погубил?» - кричит.

Ивана Тихоновича лихая сторона жизни миновала. И все у него в смысле биографии в полном порядке. Однако тоже есть чего вспомнить, есть о чем попеть и поплакать. И старость он заслужил себе спокойную. Есть домишко, есть огород, палисадник с калиной и

черемухой, аккуратные поленницы под крышей - дрова из столярного цеха, струганые. «Я их еще покрасить хочу», - смеется Иван Тихонович. Во дворе хоркают два поросенка, кухонька с варевом для них дымится, ну, стайки там, назем, парник, земля, трава, полы в доме, ведра с помоями, стирка, побелка, покраска, хлопоты, заботы и все прочее, как у всех жителей деревень. А вот накатывают на Ивана Тихоновича порой такая тоска, такое невыносимое томленье и предчувствия нехорошие, хоть напейся. И напился бы, да нельзя. Все из-за Тани. Татьяны Финогеновны. Она толкается по хозяйству, помогает, хлопочет, и никогда он ее не видел с невымытыми руками, в том недоношенном мужском пиджаке, к которому привыкли русские бабы по селам, да так и уродуют им свой вид по сию пору, когда тряпок доплетна, норовят не только бабы, но и молодые девахи ходить по улице, в магазин, на базар в тапочках тряпочных и в пиджаках. Однажды, смех сказать, в доме отдыха видел Иван Тихонович: на танцы явились две подвыпившие девы с накрашенными губами и давай бацать под крик Рымбаевой - пыль столбом из-под стоптанных тапочек.

Ближе к осени и осенью Иван Тихонович и Татьяна Финогеновна надевают вязанные из собачьей шерсти носки, галоши, давние-давние, но все еще глянцевито поблескивающие. Хозяин сидит на скамейке ножка на ножку, сложив их вроде ножниц и вытянув насколько позволяет не такая уж выразительная длина. Руки он отчего-то держал переплетенными на груди, вроде бы как грея пальцы под мышками, - поза скорей женская, чем мужская. У Татьяны же Финогеновны руки обычно в коленях, ладошка в ладошке, ноги широко расставлены, упористо, но не часто доводилось ей посидеть так вот, вольно, в свое удовольствие. Как бы нечаянно вцепившись в скамейку, опершись на руки, спеленатая болью и внутренним напряжением, будто беспомощный младенец пеленальником, - вот как она последнее время сидела на скамейке: чаще стало ее схватывать.

Иван Тихонович незаметно уговаривал супругу пойти в избу, прилечь, капель лизнуть. Она ему так же незаметно - отпор: успею, мол, успею. «Ведь там лежать, в земле глубокой, и одиноко, и темно...» Не знала этих стихов Татьяна Финогеновна, но думала примерно так же - належится еще и капелек еще напьется и таблеток, они уж ей надоели, толку от них все равно никакого, и, пока еще возможно, лучше ей посидеть на свету, поглядеть на солнышко, на горы, на мимо проходящих людей, потому как она всегда была и есть к людям приветлива.

Редкий вечер бывали Заплатины на скамейке одни. Все к ним ктонибудь да лепился, грелся возле них. И насмешливо щурила узкие глаза, совсем их в щелки топила от удовольствия общения с людьми Татьяна Финогеновна, рот ее широкой скобочкой, каковой имел бес, что «под кобылу подлез», - рот этот, со складочками в углах, в смехе такой ли всегда подвижный, то и дело обнажал ряды казенных зубов, и,

радуясь радости разлюбленной жены своей, Иван Тихонович и сам закатится, бывало, от своей ли, чужой ли шутки, закококает курочкой, наращивающей яичко, и начнет валять голову по заплоту — картуз наземь скатится, и, подняв его, бил он картуз о колено:

-Н-но, ты чё это катаешься-то, парень? Куда это ты все катаешься?..

Татьяна Финогеновна стонет от смеха, вытирая слезы рукой:

-Да ну тебя! Уморил, нечистый дух! Совсем уморил!..

Со смехом, с шуткой-прибауткой легче обмануть время. Ведь не просто так Иван Тихонович с Татьяной Финогеновной сидят на скамейке, с умыслом сидят - ждут из недалекого города вечернюю электричку, вдруг с нею, с электричкой-то, приедет Клавочка, внучка их единственная. Они ее все время ждут, каждый день, каждый вечер. <...>«Голова кругом. А тут метель! Ми -и - ила-а-ай! Скажу кому – не поверят. В апреле на Украине трава зелена, цветки по солнцепеку пошли и метель! Светопреставление! Видно и впрямь люди бога прогневили».

«...Солнце как очумелоеоткуль – то в дыру вырвалось, или опять же, всевышний его выслобонил – полюбуйтесь, дескать, чады мои или исчадья, что творите».

«Смертей видел – что хвои в лесу, слез- озеро, горя – реки, крови – море...»

«Жизнь прожить – что море переплыть».

Вопросы и задания

1. Как раскрываются характеры главных героев в указанной сцене гл.5-й повести В. Быкова «Знак беды»? Почему автор избрал ракурс изображения «с точки зрения Степаниды» (не Петрока)? Какие оценки даются немецким оккупантам? Какие «страшные, иногда странные законы» диктует война? Приведите примеры из фрагмента.

2. Каковы признаки репрезентации концепта «Война» в повести «Знак беды» (в данном отрывке и произведении в целом)? Каков смысл заглавия? Существует ли связь между заглавием «Знак беды» и концептом «Война»? Прибегает ли В. Быков к символам в своей повести? Укажите их в данном фрагменте и в целом тексте.

3. Как решает В. Быков ситуацию «характер и обстоятельства»? Дает ли автор объяснение фактам предательства и героизма? В чем состоит феномен героизма, по В. Быкову? Каковы признаки репрезентации концептов «Подвиг», «Предательство» в повести «Знак беды»?

4. Можно ли считать главной темой в романе – эпосе В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» тему свободы? Верно ли то, что автор поверяет своих героев отношением к свободе? Аргументируйте. Можно ли считать, что «Жизнь и судьба» – это произведение о Сталинграде? Как связаны тема свободы и тема Сталинградской битвы?

5. Найдите в приведенном фрагменте из текста романа доказательство развития В. Гроссманом традиции Л.Толстого в изображении «бинарных оппозиций «война – мир», «свобода – несвобода». Аргументируйте свою точку зрения. Согласны ли вы с точкой зрения исследователей, что «концепт свобода в прозе В. Гроссмана становится важнейшей составляющей авторской концептосферы»? Аргументируйте свою точку зрения. Как связаны в романе – эпопее концепты *свобода, жизнь, судьба*? Как актуализируются концепты *свобода, жизнь, судьба* в ситуации нравственного выбора? Найдите примеры актуализации указанных концептов во внутренних монологах Мостовского, сосредоточенного на «чистоте» идеи, служении революции.

6. Какова роль ретроспекции в рассказе В. Астафьева «Жизнь прожить»? В каких произведениях современной военной прозы встречается совмещение повествования о современности и воспоминаний о войне? Образ Татьяны Финогеновны Заплатиной. Проанализируйте мирную сцену в экспозиции рассказа «Жизнь прожить». Какова роль мирных сцен в «наполнения ассоциативно – семантического поля» концепта «Жизнь»?

7. Соберите материал для анализа концепта «Жизнь» в рассказе «Жизнь прожить». Докажите, что, с одной стороны, война в рассказе В. Астафьева – это светопредставление, с другой – испытание на человечность. В чем состоит «правда войны», по В. Астафьеву? Из приведенных отрывков из воспоминаний Ивана Тихоновича Заплатина о Великой Отечественной войне выберите тот, который, по-вашему, наиболее адекватно выражает идейное содержание «Жизнь прожить». Аргументируйте выбор. Как «в семантико – ассоциативном» контексте рассказа «Жизнь прожить» воплощается астафьевская концепция: жизнь и смерть, мир и война?

1.2. «Деревенская проза»

В. Шукшин. Сураз

Спирьке Расторгуеву - тридцать шестой, а на вид - двадцать пять, не больше. Он поразительно красив: в субботу сходит в баню, пропарится, стащит с недельную шоферскую грязь, наденет свежую рубаху - молодой бог! Глаза ясные, умные... Женственные губы ало цветут на смуглом лице. Сросшиеся брови, как вороньего крыла, размахнулись в капризном изгибе. Черт его знает!.. Природа, тоже иногда шутит. Ну зачем ему? Он и сам говорит: "Это мне - до фени". Ему все фени. Тридцать шесть лет - ни семьи, ни хозяйства настоящего. Знает свое машинничать да к одиноким бабам по ночам шастать. Шастает ко всем подряд, без разбора.

Добротой своей он поражал, как и красотой, Мог снять с себя последнюю рубаху и отдать – если кому нужна. Мог в свой выходной

поехать в лес, до вечера пластаться там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам.

В село Ясное приехали по весне два новых человека, учителя: Сергей Юрьевич и Ирина Ивановна Зеленецкие – муж и жена. Сергей Юрьевич – учитель физкультуры, Ирина Ивановна – пения. Ирина Ивановна – маленькая, беленькая, по – девичьи стройная...пройдёт... - откуда ладность явится, изящность. Невольно засматривались на неё». Сергей Юрьевич - невысокий, мускулистый, широченный в плечах... Ходил упругисто, легко прыгал, кувырчался; любо глядеть, как он серьезно, с увлечением проделывал упражнения на турнике, на брусках, на кольцах... У него был необычайно широкий добрый рот, толстый, с нашлепкой нос и редкие, очень белые, крупные зубы. <...>

Ирина Ивановна - маленькая, бледненькая, по-девичьи стройная. Ничего вроде бы особенного, а скинет в учительской плащик, пройдет, привстанет на цыпочки, чтобы снять со шкафа тяжелый аккордеон,- откуда ладность явится, изящность. Невольно засматривались на нее.

Такая-то пара (было им по тридцать - тридцать два года) приехала в Ясное в хорошие теплые дни в конце апреля. Их поселили в большом доме, к старикам Прокудиным. Первым, кто пришел навестить приезжих, был Спирька, Он и раньше всегда ходил к новым людям. Придет, посидит, выпьет с хозяевами (кстати сказать, Спирька, хоть пил, допьяна напивался редко), поговорит и уйдет. Было под вечер. Спирька умылся, побрился, надел выходной костюм и пошел к Прокудиным. <...>

В. Распутин. Деньги для Марии

<...> Дед [Гордей] заговорил о том, о чем Кузьма со страхом думал и сам: денег в деревне немного и лишних скорей всего нет. На трудодни выдают только хлеб, а продать его и правда было некому, да он ерунду и стоит. Но не мог же Кузьма согласиться с дедом, что да, дело табак, он не имел права даже так думать. И он сказал:

- Найдем, дед, найдем.

- Найдем, - передразнил его дед. – У кобылы под хвостом они спрятаны – там и ищи.

- Деньги у людей есть.

- Откуда они?

- Может, скажешь, у той же Степаниды денег нету, когда она каждый год то корову, то быка в колхоз сдает? Да у ней, поди, тысячи припрятаны.<...>

- Есть у людей деньги, дед. Неужто я со всей деревни не соберу? Неужто не выручат? Врешь, дед, выручат. <...>

К деньгам Кузьма всю жизнь относился очень просто: есть – хорошо, нет – ну и ладно. Это отношение выработалось главным образом оттого, что денег постоянно не хватало. У них в доме всегда была хорошая, сытная еда: хлеба Кузьма зарабатывал вдоволь даже в неурожайные годы, молоко и мясо шли со своего двора. Но деньги... <...>

Кузьма не понимал и не старался понять, как у людей остается сверх того, что уходит на жизнь. Для него самого деньги были только заплатками, которые ставятся на дырки, необходимостью для необходимости. Он мог думать о запасах хлеба и мяса – без этого нельзя обойтись, но мысли о запасах денег казались ему забавными, шутовскими, и он отмахивался от них. Лн был доволен тем, что имел.
<...>

И второй день подошел концу. Давным – давно, еще в молодости, Кузьма понял: каждый день наступает не просто так, одинаково для всех
<...>

Засыпая, Кузьма знал точно: сегодняшней день был для него. Еще утром он не смел даже мечтать о таком везенье. Сначала пятнадцать рублей принес дед Гордей, больше сотни дала тетка Наталья, потом председатель собрал специалистов, и получилась сразу куча денег, которую осталось только утром пойти и взять, и под конец принес обещанную сотню Евгений Николаевич. А день был сумрачный, невидимый из себя, а такой удачливый, такой богатый!<...>

Кузьма засыпал счастливый, благодарный своему дню и людям за доброту и выручку. Так, счастливый, тогда и уснул, забыв, что его день уже прошел. <...>

Наступил третий день. Кузьма поднялся с тем спокойным и довольным чувством, когда все идет хорошо. <...> День поднимался хмурый, сродни вчерашнему, который приходил для Кузьмы, - вот и этот, видно, будет ему как свой. Все идет к тому. Кузьма шагал и чувствовал, как приятной тяжестью отдаются в теле шаги и тело ждет новых, следующих. <...>

Откуда- то сзади, с ноющей болью выдвинулись мысли о Марии и о деньгах, и уже по цепочке, как последнее звено, вспомнился брат. И Кузьма решил: утром он отправится к брату.

В. Распутин. Последний срок Гл. 3

<...> Чудом это получилось или не чудом, никто не скажет, но только, увидав своих ребят, старуха стала оживать. Еще два или три раза она теряла память, будто незаметно проваливалась куда-то в темную глубь под собой, и все же всякий раз приходила в себя и с боязливым стоном приоткрывала глаза: тут они или они ей пригрезились? Кто-нибудь из них обязательно был рядом и звал остальных – она узнавали их и, успокаиваясь, старалась заплакать. В последний раз ей это удалось, и она сама услышала свой слабый, издержавшийся голос, который, видать, не собирался больше выходить наружу и оттого вышел с таким мучением.

Мало- помалу старуха выправилась, и все, что в ней было и что должно было ей подчиняться, одно за другим находилось и как будто даже годилось для жизни. Перед вечером она отошла уже настолько, что позвала Надю и попросила:

- Ты бы сварила мне кашу...ту, которую маленькой Нинке варила. Из крупы. Жиденькую.<...>

В доме забегали, захопотали. Слава Богу, манка у Нади была<...>.

Илья топтался возле Михаила, приговаривал:

- Мать- то наша, а? Видал?

- Родова, - соглашался Михаил. – Нашу родову так просто в гроб не загонишь. <...>

Только теперь старуха увидела солнце и узнав его, обрадовалась; после долгих, беспамятных потемок ей сразу стало теплее от него, бережным дыханием оно пошло в ее тело, подгоняя кровь. Это был не сон; во сне и солнце не греет, и мороз не холодит <...>.

Гл. 10

<...> Это неправда, что на всех людей одна смерть – костлявая, как скелет, злая старуха с косой за плечами. Это кто-то придумал, чтобы пугать ребятишек да дураков. Старуха верила, что у каждого человека своя собственная смерть, созданная по его образу и подобию, точь -в-точь похожая на него. Они как двойняшки, сколько ему лет, столько и ей, онби пришли в мир в один день и один день отойдут обратно: смерть, дождавшись человека, примет его в себя, и они уже никому не отдадут друг друга. <...>

Нет, ей не страшно умереть, всему свое место. Хватит, нажилась, насмотрелась. Больше тратить с себе ей нечего, все истратила – пусто. Изжилась до самого донышка...<...>

А на земле тихо, мертво, недвижно – все убрано сном, все в его глубоком, колдовском оцепенении.

И старуха, содрогнувшись, решила: пора. Самое время, ночь перевалила на вторую половину, больше ждать нельзя. Сон сейчас крепкий, никто не услышит, не помешает. <...>

В. Распутин. Прощание с Матерой. Гл. 8

Подступила и эта ночь, первая жаркая и яркая на Матёре. Потом их будет много, в сентябре, ближе к концу, запыхают ночи одна за другой, и далеко по сторонам озарится Ангара, провожаемая огромными, будто в честь ее нарочно запаленными, огнями. Но эта ночь была первой, и вышла она на Матёре задолго вперед остальных.

В эту ночь горела Петрухина изба. Петруха, бывший от начала до конца тут же и догадавшийся, несмотря на суматоху, засечь время, доводил затем до сведения матёринцев, что хорошая, сухая, выстоявшаяся изба горит два часа. В деревне мало кто сомневался, что вспыхнула она не по какой другой причине, как по исполнению его собственного желания. Перед тем Петруха куда-то ездил, что-то вынюхивал и, воротясь, приказал матери, старухе Катерине, перевозиться: будто не сегодня-завтра нагрянет за избой музей. Перевозить было особенно нечего. Петруха был из тех богатеев, кому как в баню идти, так и переезжать. Корову продали еще два года назад, последнюю живность, подростка поросенка, закололи в апреле, когда

стол опустел подчистую; старуха Катерина собрала свои немудрящие пожитки и в руках перенесла их к Дарье.

Как раз в день перед пожаром и перенесла: Петруха пьяный настоял, выжил чуть не силой, и Катерина от греха подальше, чтоб не скандалить с ним, убралась. Дарья звала ее к себе еще раньше, уговаривая, что вдвоем им легче будет коротать оставшиеся на Матёре дни. Оно и верно, веселей, так и так днями старухи сбивались в кучу вокруг Дарьи. Дарья жила тем же страхом, что и другие, но жила уверенней и серьезней, с нею считался сын, человек не последний в совхозе, ей было куда приклонить голову после затона, и даже с выбором: захочет – поедет в одну сторону, захочет – в другую; а кроме того, Дарья имела характер, который с годами не измяк, не повредился, и при случае умела постоять не только за себя. ....В том особенном положении, в каком оказалась Матёра, Дарья ничем не могла помочь старухам, но они шли к ней, собираясь вместе, чтобы рядом с Дарьей и себя почувствовать тоже смелей и надежней. Известно же, что на миру и смерть красна, а предложи им кто смерть всем в одночасье, друг возле друга, едва ли хоть одна отошла бы задуматься – с последней радостью они бы согласились.

Под эту ночь Матёра утихомирилась рано.... Легли, как обычно, рано; Катерина впервые уходила из дому и, хоть давно приготовилась, настроилась на уход и этот малый, перед большим, переезд тоже загодя предчувствовала, но было ей донельзя горько и тошно, всякое слово казалось неуместным и ненужным. Дарья, понимая ее, не лезла с разговором; под вечер приходил Богодул, но с ним тоже не разбеседуешься, потыркали, помыркали, чтоб совсем не молчать, и Дарья спровадила старика. Себе она постелила на русской печке, там она больше всего и спала и зимой и летом, влезая на печку через голбец, а Катерина устроилась на топчане в переднем углу. Для Павла, когда он будет приезжать, оставалась деревянная кровать.

Легли и затихли. Катерина не знала, уснула она или, молясь ненадежными мыслями, только еще подбиралась ко сну, когда в окно забарабанили – сначала в окно и тут же в дверь, и Богодул за дверью (все недобрые вести приносил Богодул) сипло и раскатисто закричал:

– Катер-рина! – Обычная очередь мата, без которого не смыкались у него вместе два нормальных слова. – Катер-рина, горишь! Кур-рва! Петр-руха!

Старухи вскочили. В двух окнах, выходящих на верхний край Матёры, плясали огненные сполохи, огонь казался настолько близким, что Дарья со сна перепугалась первым страхом:

– Господи! Мы, ли че ли?!

Что к чему, Катерина разобрала сразу. И, путаясь в одежонке, вскрикивала запальчиво и слабо, будто билась лбом о стенку:

– Ну, бесовый! Ну, бесовый! Как знала! Как знала! Царица небесная! – Подхватила и со всех своих ног кинулась туда – домой,

что еще только вечером было ее домом. Богодул, заторопившийся было за ней, с полдороги переиначил и повернул на нижний край добуживать деревню.

Когда Катерина подбежала, изба полыхала вовсю. Не было никакой возможности отбить ее от огня, да и не было в этом нужды. Один Петруха метался среди молча стоящих, неотрывно глядящих на огонь людей и пытался рассказать, как он чуть не сгорел, как в последний момент проснулся «от дыма в легких и от жара в волосах – волоса аж потрескивали». «А то бы хана, – повторял он с усмешкой. – Ижжарился бы без остатку, и не нашли бы, где че у меня было», – и, присаживая голову, заглядывал в глаза: верят, не верят? От него, как от чумного, отодвигались, но Петруха особенно и не рассчитывал на веру, он знал Матёру, знал, что и его знают как облупленного, а потому допускал и свою невольную вину.

«Я вечером печку топил и лег спать, – лез он с никому не нужными объяснениями. – Может, уголь какой холерный выскочил, натворил делов», – и опять принимался рассказывать, как он спасся. Для него только это и было важно – что он сам мог сгореть и лишь чудом уцелел, он так уверился в этом, что, рассказывая, добивался у себя слезы и дрожи в голосе – того, что требовалось для правды. Про печку и уголь он здесь же и забывал и грозил: «Узнать бы, какая падла чиркнула, я бы...» – и точил кулаки, пристукивая ими один о другой, как точат ножи. Или он опьянел от пожара, или с вечера еще не просох окончательно, но казался Петруха нетрезвым и пошатывался, оступался; лохматый и грязный, был он в майке, одна лямка которой сползла с плеча, и в сапогах – обуться все-таки успел старательно. К тому же Петруха успел кое-что и выбросить из огня: на земле валялось ватное лоскутное одеяло, старая дошонка и «подгорна» – гармошка, которая в Петрухиных руках знала только: «Ты Подгорна, ты Подгорна, широкая улица, по тебе никто не ходит – ни петух, ни курица...» Петруха все хватался за нее и все переносил с места на место, подальше от жара; люди тоже отступали, когда припекало, но не расходились и не сводили с огня тревожных, пытающихся что-то рассмотреть и понять глаз.

Тут была вся оставшаяся живая деревня, даже ребятишки. Но и они не гомонили, как обычно; стояли замороженные и подавленные страшной силой огня. Старухи с суровыми и скорбными лицами держались не вместе, а кто где – с какой стороны подбежала каждая и уперлась перед жаром. Как никогда, неподвижные лица их при свете огня казались слепленными, восковыми; длинные уродливые тени подпрыгивали и извивались. Катерина, прибежав, закричала, заголосила, протягивая руки к горящей избе, в рыданиях наклоняясь, кланяясь в ее сторону – на нее оглянулись, узнавая, кто она и почему имеет право кричать, узнали, молча пожалели и опять в мертвом раздумье уставились на огонь. Из темноты вынырнула Дарья и встала рядом с Катериной – и остальным сделалось спокойней, что Дарья там,

рядом, что она, понадобится если, удержит около себя Катерину и что они, стало быть, могут оставаться на своих местах. Но и Катерина, поддаваясь этому жуткому и внимательному молчанию людей, вскоре тоже умолкла, подняла глаза и не убирала их больше с того, что с малых лет было ее домом.

Люди забыли, что каждый из них не один, потеряли друг друга, и не было сейчас друг в друге надобности. Всегда так: при неприятном, постыдном событии, сколько бы много ни было имееете народу, каждый старается, никого не замечая, оставаться один – легче затем освободиться от стыда. В душе им было нехорошо, неловко, что стоят они без движения, что они и не пытались совсем, когда еще можно было, спасти избу, – не к чему было пытаться. То же самое будет и с другими избами – скоро уж – Петрухина первая. И они смотрели, смотрели, ничего не пропуская, как это есть, чтобы знать, как это будет, – так человек с исступленным вниманием вонзается глазами в мертвого, пытаясь заранее представить в том же положении, которого ему не миновать, себя.

Настолько ярко, безо всяких помех, осветилась этим огнем судьба каждого из них, та не делимая уже ни с кем, у близкого края остановившаяся судьба, что и не верилось в людей рядом, – будто было это давным-давно.

Пламя уже охватило всю избу и взвивалось высоко вверх, горело сильно и ровно, и горело, раскалившись от жара, сплошным огнем все – стены, крыша, сени, стреляло головешками, искрило, заставляя людей спячиваться; лопались и плавилась стекла; изнутри хлестким взмахом, точно плескал кто бензином, с фуканьем выметывались длинные буйные языки. Пылало так, что не видно было неба. Далеко кругом озарено было этим жарким недобрим сиянием – в нем светились ближние, начинающиеся улицей, избы и тоже как горели, охваченные мечущимися по дереву бликами; им озарялась Ангара под берегом, и там, где она озарялась, зияла открытой раной с пульсирующей плотью; бугор за дорогой, который то выхватывало из темноты, то снова задвигало в нее прыгающим сиянием, казался бурым, опаленным. За пылающими стенами что-то обваливалось и стучало, как от взрывов; в окна выбрасывало раскаленные угли; высоко поднимались и отлетали, теряясь в звездах, искры; полымя наверху шипело, переходя в слабый дым. Тесина на крыше вдруг поднялась в огне стоймя и, черная, угольная, но все же горящая, загнулась в сторону деревни – там, там быть пожарам, туда смотрите. И почти в тот же миг кровля рухнула, огонь опал, покатались верхние горящие венцы – люди вскрикнули и отскочили. Катерина снова заплакала навзрыд, невидяще кланяясь поверженной избе, которую ненадолго окутало дымом, пока передохнуло, отдыхаясь и отрываясь, и с новой силой направилось пламя, из которого частями выхватывалась, будто плясала, русская печка. Огонь полез по забору во двор, но и тут не захотели его

остановить – к чему двор без избы? Кто станет спасать ноги, оставшись без головы?

Когда верх избы рухнул и не стало избы, внимание людей к огню ослабло. По какому-то точно наущению они оглянулись на Петруху. Они оглянулись и на Катерину, которая всхлипывала, пожалели ее уже большей жалостью, но на Петрухе они задержали глаза. Как он? Что он делает? Что испытывает теперь? Доволен или испуган? Петруха стоял, теребя руками голую грудь и беспокойно подергивая головой; пытливые взгляды людей обозлили его. Его давно уже, с той поры как прибежала мать, терзало, что она не подошла к нему, не спросила и не обругала, не пристыдила, она будто совсем забыла о нем, отказалась от него, поэтому Петруху подмывало подойти самому и напомнить, что он здесь, посмотреть, как поведет себя мать. И теперь, обозлившись, он решился и, подойдя, сказал – да такое и так нахально, грубо, что и сам испугался:

– Мать, дай закурить.

Она непонимающе и все еще всхлипывая, подняла на него лицо.<...>

Но темнота уже заметно помякла, поникла, с неба разливался рассвет. Теперь, когда огонь опал и лишь понизу подбирал оставшееся дерево, сильнее запахло гарью и понесло сажными лохмотьями. Курились на траве и дороге отлетевшие головешки. Деловито, без страсти и буйства, оттянувшись на сторону, горел амбар. При набирающемся утреннем свете светлел и огонь.

Люди стали расходиться. Они уходили, неуверенно, боязливо осматриваясь кругом: вот и нарушился порядок Матёры, с одного края деревня оголилась, и теперь этот край беззащитен. Верно, отсюда и пойдет огонь дальше, ничем, никаким миром от него не спастись...Об этом и говорила Дарья Катерине, успокаивая и уводя ее с пожарища. У всех будет то же самое, никто не минует этой судьбы. Катерине она выпала первой – легче будет потом: не страдать, не мучиться в ожидании своего огня и, дождавшись, не смотреть на него, обжигая сердце. Она свой черед прошла.

И верно, огнем изба горит недолго, два-три часа, но многие еще дни курится, не остывая, избище и остро пахнет горелым, но не выгоревшим до конца, ничем не убиваемым жилым духом.

Хозяин в эту ночь рано вышел на пост, загодя выбранный на ближнем бугре, откуда было удобно и безопасно наблюдать пожар. И он видел все от начала до конца. Он видел отблеск первой спички, особую, ненуждовую вспышку которой сразу выделила и почувствовала изба: она натянулась и, с болью скрипнув, осела. Хозяин подбежал к ней, прижался на мгновение в последний раз к ее сухому замершему дереву, чтобы показать, что он здесь и будет здесь до конца, и тут же вернулся обратно.

Он видел, как мерцала изнутри изба, сначала прерывистым, слабым сиянием, которое все набиралось и набиралось, пока окна не

залило сплошь играющей краской. Хозяин смотрел, и сквозь стены видя то, что творится внутри. Огонь долго прихватывался за плотный и гладкий, веками вышорканный пол и никак не мог зацепиться за него, соскальзывал и смазывался – и вдруг, углядев, ринулся на тонкую дощатую заборку и легко выскочил по ней наверх. Затрещали, накаляясь, стены, и то ли от жара, то ли от постороннего вмешательства мягко хлопнуло, как пролилось, стекло в выходящем на Ангару окне. Оттуда, будто поддувалом, плеснуло свежим воздухом, и огонь, свободно вздохнув, загудел и пошел гулять по всей избе, подбирая любую горящую мелочь и продолжая накалять потолок и стены.

Хозяин видел, как бежали люди, как метался на виду у первых прибежавших Петруха, размахивая руками и показывая ими на объятую пламенем избу. Вся жизнь, какая была в дереве, к этому времени сварилась, и оно горело без страдания. Пламя выбилось наружу и навалилось на постройку с обеих сторон. Высоким заревом вспыхнула крыша, свет достал и до Хозяина, которому пришлось ползком выбираться в темноту. И пока изба горела в рост, Хозяин смотрел на деревню. В свете этого щедрого пожара он хорошо видел блеклые покуда, как нарисованные, огоньки над живыми еще избами – только он мог их видеть и видел, отмечая, в какой очередности возьмет их огонь. И он видел возле них чужих людей – их было много. Подняв глаза еще выше, Хозяин увидел дымы над материнскими лесами, и дымы эти без ветра долго носило прощальными кругами по острову.

Горела Подмога...Он видел дым над кладбищем, тот самый, который старухи не дали добыть...

Он видел, подобрав опять глаза к Петрухиной избе, как завтра придет сюда Катерина и будет ходить тут до ночи, что-то отыскивая, что-то вороша в горячей золе и в памяти, как придет она послезавтра, и после... и после...Но он видел и дальше...<...>

Вопросы и задания

1.К какой жанровой разновидности относится рассказ В.Шукшина «Сураз»: «рассказ – характер», «рассказ – судьба», «рассказ – исповедь», «рассказ- анекдот»? Какие черты шукшинского типа народного характера вы можете отметить в образе Спирьки: *стихийность, душевная открытость, искренность*? Укажите черты героя – «чудика».

2.Каково наполнение « ассоциативно – семантического поля» концепта «Народ» в рассказах В.Шукшина?

3.Понятие «рода» / «родовы» - центральное в «деревенской прозе». Докажите, что в первой повести В. Распутина «Деньги для Марии» (1967) «родова» является определяющим понятием. Проблематика: место денег в повседневной жизни человека; соотношении духовного и материального. Какова реакция деревни («сельского мира») на горе семьи? Смысл финала «Денег для Марии»? Есть ли в финале решение

главного конфликта? Признаки репрезентации концепта «Семья» в повести «Деньги для Марии»? Как связаны концепты «Деревня» и «Семья» в концептосфере В.Распутина?

4.Как изображается семья старухи Анны в повести «Последний срок»?Каково содержание понятия «род» / «родова»? Признаки репрезентации концепта «Семья» в повести «Последний срок».Образ старухи Анны. Мастерство художественного психологизма. Признаки репрезентации концепта «Смерть» в повести «Последний срок».

5.Какова проблематика повести В.Распутина «Прощание с Матерой»? Является ли тема деревни центральной в этой повести? Какова реакция деревни («сельского мира») на происходящие трагические события? Каково наполнение «ассоциативно – семантического поля» концептов«Дом/ изба», «Деревня» / «сельский мир» в данной повести?

1.3. Натурфилософская проза

В. Астафьев. Царь-рыба. Гл. Капля

<...>Все мы, русские люди, до старости остаемся в чем-то ребятишками, вечно ждем подарков, сказочек, чего-то необыкновенного, согревающего, даже прожигающего душу, покрытую окалиной грубости, но в середине незащищенную, которая и в изношенном, истерзанном, старом теле часто ухитряется сохраняться в птенцовом пухе. И не ожидание ли необычного, этой вечной сказочки, не жажда ли чуда толкнули однажды моего брата в таймырскую тундру, на речку Дудыпту, где совсем не сказочной болезнью и тоской наделила его шаманка? И что привело нас сюда, на Опариху? Не желание же кормить комаров, коих, чем глуше ночь, тем гуще клубится и ноет возле нас. ....

На речке появился туман. Его подхватывало токами воздуха, тащило над водой, рвало о подмытые деревья, свертывало в валки, катило над короткими плесами, опятнанными кругляшками пены. Нет, нельзя, пожалуй, назвать туманами легкие, кисеей колышущиеся полосы. Это облегченное дыхание земли после парного дня, освобождение от давящей духоты, успокоение прохладой всего живого. Даже мулявки в речке перестали плавать и плескаться. Речка текла, ровно бы мохом укрытая, мокро всюду сделалось, заблестели листья, хвоя, комки цветов, гибкие тальники сдавило сыростью, черемуха на том берегу перестала сорить в воду белым, поределые, растрепанные кисти полоскало потоком, и что-то было в этой поздно, тощо и бедно цветущей черемухе от современной женщины, от ее потуг хоть и в возрасте, хоть с летами нарядиться, отлюбить, отпраздновать дарованную природой весну.

Блеклым светом наполнилось пространство, раздвинулась глубь тайги, дохнуло оттуда чистым холодом, на глазах начал распадаться ком гнуса, исчезать куда-то, реденько кружило дымом уже вялых, молчаливых мокрецов. Ребята у костра внятно вздохнули, напряженные

тела их распустились – уснули глубоко, все в них отдыхало – слух, нюх, перетруженные руки и ноги. Который-то из парней даже всхрапнул коротко, выразительно, но тут же подавил в себе храп, чуя подсознанием, что спит он не дома, не под крышей, не за запорами, какая-то часть его мозга бдила, была настороже.

Я подладил костер. Он вспыхнул на минуту и тут же унялся. Дым откачнуло к воде, туда же загнуло яркий гребень огонька. Придвинувшись к костру, я вытянул руки, сжимал и разжимал пальцы, будто срывал лепестки с громадного сибирского жарка. Руки, особенно левая, занемели, по плечу и ниже его холодным пластом лежала вкрадчивая боль – сказывалось долгое городское сидение – и такая сразу нагрузка да вчерашняя духотища....

Сеево звезд на небе сгустилось, потемнела речка, и тени дерев, объявившиеся было при месяце, опять исчезли. Лишь отблескивала в перекатах Опариха, катясь по пропаханной, вилючей бороздке к Енисею. Там она распластается по пологому берегу на рукава, проточины и обтрепанной метелкой станет почесывать бок грузного, силой налитого Енисея, несмело с ним заигрывая. ....Казалось, тише, чем было, и быть уже не могло, но не слухом, не телом, а душою природы, присутствующей и во мне, я почувствовал вершину тишины, младенчески пульсирующее темечко нарождающегося дня – настал тот краткий миг, когда над миром парил лишь божий дух един, как рекли в старину.

На заостренном конце продолговатого ивового листа набухла, созрела крупная капля и, тяжелой силой налитая, замерла, боясь обрушить мир своим падением.

И я замер.

Капля висела над моим лицом, прозрачная и грузная. Таловый листок держал ее в стоке желобка, не одолела, не могла пока одолеть тяжесть капли упругую стойкость листка. «Не падай! Не падай!» – заклинал я, просил, молил, кожей и сердцем внимая покою, скрытому в себе и в мире.

В глуби лесов угадывалось чье-то тайное дыхание, мягкие шаги. И в небе чудилось осмысленное, но тоже тайное движение облаков, а может быть, иных миров иль «ангелов крыла»?! В такой райской тишине и в ангелов поверишь, и в вечное блаженство, и в истлевание зла, и в воскресение вечной доброты. Собаки тревожились, вскидывали головы. Тарзан зарычал приглушенно и какое-то время катал камешки в горле, но, снова задремывая, невнятно тявкнул, хлюпнул ртом, заглотив рык вместе с комарами.

Ребята крепко спали.

Я налил себе чаю, засоренного хлопьями отгара и комаров, глядел на огонь, думал о больном брате, о подростке-сыне. Казались они мне малыми, всеми забытыми, спозаброшенными, нуждающимися в моей защите. Сын кончил девятый класс, был весь в костях, лопатки угловато

оттопыривали куртку на спине, кожа на запястьях тонко натянута, ноги в коленях корнем – не сложился еще, не окреп, совсем парнишка. Но скоро отрываться и ему от семьи, уходить в ученье, в армию, к чужим людям, на чужой догляд. Брат, хотя годами и мужик, двоих ребятишек нажил, всю тайгу и Енисей обшастал, Таймыра хватил, корпусом меньше моего сына-подростка. На шее позвонки орешками высыпали, руки в кистях тонкие, жидкие, спина осажена надсадой к крестцу, брюхо серпом, в крыльцах сутул, узок, но жилист, подсадист, под заморышной, невидной статью прячется мужицкая хватка и крепкая порода, ан жалко отчего-то и сына, и брата, и всех людей на свете. Спят вот доверчиво у таежного костра, среди необъятного, настороженного мира два близких человека, спят, пустив слюнки самого сладкого, наутреннего сна, и сонным разумом сознают, нет, не сознают, а ощущают защиту – рядом кто-то стережет их от опасностей, подживляет костер, греет, думает о них...

Но ведь когда-то они останутся одни, сами с собой и с этим прекраснейшим и грозным миром, и ни я, ни кто другой не сможет их греть и оберегать! Как часто мы бросаемся высокими словами, не вдумываясь в них. Вот долдоним: дети – счастье, дети – радость, дети – свет в окошке! Но дети – это еще и мука наша! Вечная наша тревога! Дети – это наш суд на миру, наше зеркало, в котором совесть, ум, честность, опрятность нашу – все наголо видать. Дети могут нами закрыться, мы ими – никогда. И еще: какие бы они ни были, большие, умные, сильные, они всегда нуждаются в нашей защите и помощи. И как подумаешь: вот скоро умирать, а они тут останутся одни, кто их, кроме отца и матери, знает такими, какие они есть? Кто их примет со всеми изъянами? Кто поймет? Простит?

И эта капля!

Что, если она обрушится наземь? Ах, если б возможно было оставить детей со спокойным сердцем, в успокоенном мире!

Но капля, капля!..

Я закинул руки за голову. Высоко-высоко, в сереньком, чуть размытом над далеким Енисеем небе различил две мерцающие звездочки, величиной с семечко таежного цветка майника. Звезды всегда вызывают во мне чувство сосущего, тоскливого успокоения своим лампадным светом, неотгаданностью, недоступностью. Если мне говорят: «тот свет», — я не загробье, не темноту воображаю, а эти вот мелконькие, удаленно помаргивающие звездочки. Странно все-таки, почему именно свет слабых, удаленных звезд наполняет меня печальным успокоением? А что тут, собственно, странного? С возрастом я узнал: радость кратка, преходяща, часто обманчива, печаль вечна, благотворна, неизменна. Радость сверкнет зарницей, нет, молнией скорее и укатится перекатным громыханьем. Печаль светит тихо, как неугаданная звезда, но свет этот не меркнет ни ночью, ни днем, рождает думы о ближних, тоску по любви, мечты о чем-то неведомом, то ли о

прошлом, всегда томительно сладком, то ли о заманчивом и от неясности пугающе притягательном будущем....

Но при чем тут небо, звезды, ночь, таежная тьма?

Это она, моя душа, наполнила все вокруг беспокойством, недоверием, ожиданием беды. Тайга на земле и звезды на небе были тысячи лет до нас. Звезды потухали или разбивались на осколки, взамен их расцветали на небе другие. И деревья в тайге умирали и рождались, одно дерево сжигало молнией, подмывало рекой, другое сорило семена в воду, по ветру, птица отрывала шишку от кедра, клевала орехи и сорила ими в мох. Нам только кажется, что мы преобразовали все, и тайгу тоже. Нет, мы лишь ранили ее, повредили, истоптали, исцарапали, ожгли огнем. Но страху, смятенности своей не смогли ей передать, не привили и враждебности, как ни старались. Тайга все так же величественна, торжественна, невозмутима. Мы внушаем себе, будто управляем природой и что пожелаем, то и сделаем с нею. Но обман этот удаётся до тех пор, пока не останешься с тайгой с глазу на глаз, пока не побудешь в ней и не поврачуеться ею, тогда только почувствуешь ее космическую пространственность и величие.

С виду же здесь все просто, всякому глазу и уху доступно. Вон соболек мелькнул по вершинам через речку, циркнул от испугу и любопытства, заметив наш костер. Выслеживает соболек белку, чтобы унести своим соболятам на корм. Птица, грузно садившаяся ночью в дерево, была капалуха, на исходе вечера слетавшая с гнезда размять крылья. Лапы у нее заостренели под брюхом от сидения и неподвижности, худо цеплялись за ветви, оттого она так долго и громоздилась при посадке. Осмотревшись с высоты, не крадется ль к яйцам, оставленным в гнезде, какой хищник, капалуха тенью скользнула вниз подкормиться прошлогодней брусникой, семечками и, покружив возле дерев, снова вернулась к пестрому выворотню, под которым у нее лежало в круглом гнезде пяток тоже пестрых, не всякому глазу заметных яиц. Горячим телом, выщипанным до наготы, она накрыла яйца, глаза ее истомно смежились – птица выпаривала цыпущек - глухарят.

Близко от валежины прошла маралуха с теленком. Пошевеливая ушами из стороны в сторону, мать тыкала в землю носом, срывая листок-другой – не столько уж покормиться самой, сколько показать дитю, как это делается. Забрел в Опариху выше нашего стана сохатый, жуёт листья, водяную траву, объедь несет по речке....

Да утро ж накатило!

Прозевал, не заметил, как оно подкралось. Опал, истаял морок, туманы унесло куда-то, лес обозначился пестрядью стволов. Сова, шнырявшая глухой полночью над речкой и всякий раз, как ее наносило на свет костра, скомканно шарахавшаяся, ткнулась в талину, уставилась на наш табор и, ничего-то не видя, на глазах оплывала, уменьшалась, прижимая перо ближе к телу. ...

Тайга дышала, просыпалась, росла.

А капля?

Я оглянулся и от серебристого крапа, невдали переходящего в сплошное сияние, зажмурил глаза. Сердце мое трепыхнулось и обмерло от радости: на каждом листке, на каждой хвоинке, травке, в венцах соцветий, на лапах пихтарников, на одежде, на живых стволах деревьев, даже на сапогах спящих ребят мерцали, светились, играли капли, и каждая роняла крошечную блеску света, но, слившись вместе, эти блески заливали сиянием торжествующей жизни все вокруг, и вроде бы впервые за четверть века, минувшего с войны, я, не зная, кому в этот миг воздать благодарность, пролепетал, а быть может подумал: «Как хорошо, что меня не убили на войне и я дожил до этого утра...»...

Живым духом наполнилась округа, леса, кусты, травы, листья. Залетали мухи, снова защелкали о стволы деревьев и о камни железнолобые жуки и божьи коровки; бурундук умылся лапками на коряжине и беззаботно деранул куда-то; закричали всюду кедровки, костер наш, едва верескавший, воспрянул, щелкнул раз-другой, разбрасывая угли, и сам собою занялся огнем. От звука ахнувшего костра совсем близко, за тальником, что-то грузно, с храпом метнулось и загромыхало камнями. Собаки хватили в кусты, сбивая с них мокро, лая вперевод, сонная сова зашаталась на талине, запурхалась, но отлететь далеко не смогла, плюхнулась за речкой в мох.

За кормой, за редко и круто вздымающимися волнами осталась речка Опариха, светлея разломом устья, кучерявясь облаками седоватых тальников, красной полоской шиповника, цветущего по бровке яра. Дальше смыкалась грядой, темнела уже ведомая нам и все-таки снова замкнутая в себе, отчужденная тайга. Белая бровка известкового камня и песка все резче очеркивала суземные, отсюда кажущиеся недвижимыми леса и дальние перевалы от нас, от бушующего Енисея, и только бархатно-мягким всплеском трав по речному оподолью, в которых плутала, путалась и билась синенькой жилкой речка Опариха, смягчало даль, и много дней, вот уже и лет немало, только закрою глаза, возникает передо мной синенькая жилка, трепещущая на виске земли, и рядом с нею и за нею монолитная твердь тайги, сплавленной веками и на века.

Вопросы и задания

1. Прочтите фрагмент главы «Капля»: описание ночи в тайге, раздумий и переживаний автобиографического героя – повествователя.

2. Проанализируйте лирико-философское отступление: «*Это она, моя душа наполнила всё вокруг беспокойством, недоверием, ожиданием беды... Мы внушаем себе, будто управляем природой и что пожелаем, то и сделаем с нею. Но обман удаётся до тех пор, пока не останешься с тайгой с глазу на глаз, пока не побудешь в ней и не поврачуеться ею, тогда только воньмешь [поймешь, услышишь] её*

могуществу, почувствуешь её космическую пространственность и величие».

3. Что символизирует образ капли, возникающий в сознании автора – рассказчика: «почувствовал вершину тишины, младенчески пульсирующее темечко нарождающегося дня – *«настал тот краткий миг, когда над миром парил лишь божий дух один, как рекли [говорили] в старину. На заострённом конце продолговатого ивового листа набухла, созрела продолговатая капля и, тяжёлой силой налитая, замерла, боясь обрушить мир своим падением».*

4. Докажите, что В. Астафьев утверждает в главе «Капля» и в творчестве в целом «чудо жизни». Как актуализируется концепт «Жизнь» в «Царь-рыбе»?

1.4. «Городская проза»

Ю. Трифонов. Обмен

<...> Невядомскому следовало догадаться: его просили поделиться советом о том, как поступать в известных ему обстоятельствах. Но Невядомский не догадывался. Его черновато-рыжая курчавая борода поднималась выше, глаза смотрели все более холодно и, как показалось Дмитриеву, высокомерно.

— Простите, я не пойму, собственно...

— Сейчас я объясню. Дело в том, что причины, побудившие вас и меня... Словом, у нас одинаковая ситуация...

— Что вы имеете в виду?

— Что я имею в виду? — Дмитриев почувствовал, как его шея и щеки наливаются краской. — Я имею в виду вот что: мне тоже надо меняться как можно скорей. Я и хотел с вами посоветоваться, как это делается вообще? С чего начинать?

— С чего начинать? Как — с чего начинать? С бюро обмена, разумеется. Заплатить три рубля и дать объявление в бюллетене.

— Но вы же понимаете, что, если человек серьезно болен, очень серьезно и дорог каждый час...

— А никак иначе вы начать не можете. С бюро обмена. Других путей я не знаю. — Невядомский засунул большой палец в ноздрю, указательным прижал ее сверху и стал сосредоточенно что-то оттуда выкручивать. По-видимому, напряженно соображал, стоит или не стоит посвящать Дмитриева в свои зацепки. Решил: не стоит. — У меня не было никаких иных путей. — Вдруг Невядомский фыркнул: — Знаете, вы напомнили мне глупейшую историю! Когда я был студентом, у меня умер отец. Прошло месяца два или три. — И неожиданно ко мне заходит сосед, незнакомый человек из другого подъезда, и говорит: «У меня умер отец, а я слышал, что у вас тоже недавно умер отец. Вот я пришел к вам познакомиться и попросить вас поделиться опытом». Каким опытом? Что? Как? Я его, разумеется, вежливо выставил<...>.

<...> Дед умер через четыре года.

Дмитриев приехал в крематорий прямо с работы и выглядел глупо со своим толстым желтым портфелем, в котором лежало несколько банок сайры, купленных случайно на улице. Лена очень любила сайру. Когда вошли со двора в помещение крематория, Дмитриев быстро прошел направо и поставил портфель на пол в углу, за колонной, так, чтоб его никто не видел. И мысленно твердил: «Не забыть портфель, не забыть портфель». Во время траурной церемонии он несколько раз вспоминал о портфеле, поглядывал на колонну и в то же время думал о том, что смерть деда оказалась не таким уж ужасным испытанием, как он предполагал. Было очень жалко мать. Ее поддерживали под руку с одной стороны тетя Женя, с другой — Лора, и лицо матери, белое от слез, было какое-то новое: очень старое и детское одновременно.

Лена тоже пришла, сморкалась, терла глаза платком, а когда наступил миг прощания, вдруг громким низким голосом зарыдала и, вцепившись в руку Дмитриева, стала шептать о том, какой дед был хороший человек, самый лучший из всей дмитриевской родни, и как она его любила. Это была новость. Но Лена рыдала так искренне, на глазах ее были настоящие слезы, и Дмитриев поверил. Ее родители тоже появились в последнюю минуту, в черных пальто, с черными зонтами, у Веры Лазаревны была даже черная вуалька на шляпке, и они успели бросить в отплывавший в подземелье гроб букетик цветов. Потом Вера Лазаревна говорила с удивлением: «Как много людей-то было!» С этим и пришли, стариковским любопытством: поглядеть, много ли придет провожать. «Вы поедете к тете Жене?» Вопрос был задан бегло, но как много он означал... Дмитриев сказал, что они, пожалуй, не поедут к тете Жене. «Почему? Ты поезжай! — сказала Лена. — Я себя неважно чувствую, а ты поезжай. Конечно, поезжай!» Нет, он не поедет, у Лены сильно болит голова. Лора понимающе кивнула, даже улыбнулась Лене с сочувствием и спросила, не дать ли ей таблетку. «Да! — сказал Дмитриев. — Я же забыл портфель!» Он вернулся в помещение крематория, где на постаменте лежал в гробу уже новый покойник, вокруг которого ютилась жидкая кучка людей, и на цыпочках прошел за колонну. Взяв портфель, остановился, чтоб побыть минуту в одиночестве. Чувство непоправимости, отрезанности, которое бывает на похоронах — одно безвозвратно ушло, отрезалось навсегда, а продолжается то, да не то, что-то уже новое, в других комбинациях, — было самой томящей болью, даже сильнее, чем печаль о деде. Дед был ведь стар, должен был угаснуть, но вместе с ним исчезало что-то, прямо с ним не связанное, существовавшее отдельно: какие-то нити между Дмитриевым, и матерью, и сестрой. И это исчезновение обнаружилось так неумолимо и сразу, спустя несколько минут после того, как вышли из тяжелого цветочного запаха на воздух <...>.

<...> Все правда, истинная правда: мать постоянно окружают люди, в судьбе которых она принимает участие. В ее комнате подолгу живут какие-то пожилые полужнакомые люди, друзья Георгия

Алексеевича, и еще более ветхие старухи, друзья деда, а то и провинциальные девочки и мальчики, дети отдаленных родственников, приехавшие поступать в институты. Всем мать старается помогать совершенно бескорыстно. ...Очень любит помогать бескорыстно. Пожалуй, точнее так: любит помогать таким образом, чтобы, не дай бог, не вышло никакой корысти. Но в этом-то и была корысть: делая добрые дела, все время сознавать себя хорошим человеком. И Лена, учуяв маленькую слабость матери, в минуты раздражения говорила про нее Дмитриеву: ханжа. А он приходил в ярость. Орал: «Кто ханжа? Моя мать ханжа? И ты посмела сказать...» И — начиналось, катилось... Ни мать, ни Лора не знали, как он буйствует из-за них. ...Они считали, особенно твердо считала Лора, что он их тихонько предал. Сестра сказала как-то: «Витька, как же ты олукаянился!» Лукьяновы — фамилия родителей Лены.

Дмитриев вдруг решил, что надо продумать что-то важное, последнее. Не было сил идти в дом, и он оттягивал минуту. <...> На противоположном берегу, где когда-то был луг, теперь устроили громадный пляж с балаганами, ларьками. Лежаки были сложены штабелями, но два лежака до сих пор почему-то стояли у самой воды, смутно голубея на темно-сером песке. Все на том берегу было темно-серого, цементного цвета. За пляжем курчавилась молодая роща берез, насаженная лет десять назад, а за рощей туманно-белыми глыбами высились горы жилья, среди которых стояли две особенно высокие башни. Все изменилось на том берегу. Все «олукьянилось». Каждый год менялось что-то в подробностях, но, когда прошло четырнадцать лет, оказалось, что все олукаянилось — окончательно и безнадежно. Но, может быть, это не так уж плохо? И если это происходит со всем — даже с берегом, с рекой и с травой, — значит, может быть, это естественно и так и должно быть?<...>.

Вопросы и задания

1. Почему Ю.Трифонов остро ощущал необходимость решать конфликт своего времени в суете «шумных городов»?

2. Объясните смысл названия повести «Обмен». Какими значениями помимо символического образа неустойчивого, нестабильного бытия и неустроенности жизни обладает данное заглавие? Как вы понимаете слова Дмитриева «все олукаянилось»? Что имеет в виду трифоновский герой?

3. При помощи каких художественных деталей, формирующих поэтику «мелочей жизни», писатель в концепте «Город» реконструирует повседневность? Можно ли считать ее бытийно-бытовой средой, в которой сосуществуют сакральное и пошлое, высокое и низкое, талантливое и бездарное?

4. Мог ли согласиться Ю.Трифонов с определением, данным Москве М.Цветаевой: «Москва! Какой огромный странноприимный дом!»? Какую

роль в трифоновском концепте «Город» играет образ «антидома»? Как «вписывается» внутренний мир горожан в парадигму «двойного сознания»?

5. Каким образом в концепте «Город» у Ю.Трифонова через образ времени разрешается антиномия природное/социальное? Каковы функции образа-символа «берег реки» а повести «Обмен»?

1.5. Драматургия 1960-1980-х гг.

А. Вампилов. Утиная охота. Действие 2. Картина 3

ЗИЛОВ. (Искренне и страстно.) Я сам виноват, я знаю. Я сам довел тебя до этого... Я тебя замучил, но, клянусь тебе, мне самому опротивела такая жизнь... Ты права, мне все безразлично, все на свете. Что со мной делается, я не знаю... Не знаю... Неужели у меня нет сердца?.. Да, да, у меня нет ничего - только ты, сегодня я это понял, ты слышишь? Что у меня есть, кроме тебя?.. Друзья? Нет у меня никаких друзей... Женщины?.. Да, они были, но зачем? Они мне не нужны, поверь мне... А что еще? Работа моя, что ли! Боже мой! Да пойми ты меня, разве можно все это принимать близко к сердцу! Я один, один, ничего у меня в жизни нет, кроме тебя. Помоги мне! Без тебя мне крышка... Уедем куда-нибудь! Начнем сначала, уж не такие мы старые...

Появляется Ирина.

Ты меня слышишь? Слышишь?

ИРИНА. Да...

ЗИЛОВ. Я возьму тебя на охоту. Хочешь?

ИРИНА. Хочу.

ЗИЛОВ. Вот и прекрасно... Знаешь, что ты там увидишь?.. Такое тебе и не снилось, клянусь тебе. Только там и чувствуешь себя человеком. Я повезу тебя на лодке, слышишь? Ведь ты ее даже не видела. Я повезу тебя на тот берег, ты хочешь?

ИРИНА. Да...

Она, проникаясь его волнением, стоит перед дверью, не шелохнувшись.

ЗИЛОВ. Но, учти, мы поднимемся рано, еще до рассвета. Ты увидишь, какой там туман - мы поплывем, как во сне, неизвестно куда. А когда подымается солнце? О! Это как в церкви и даже почище, чем в церкви... А ночь? Боже мой! Знаешь, какая это тишина? Тебя там нет, ты понимаешь? Нет! Ты еще не родился. И ничего нет. И не было. И не будет... И уток ты увидишь. Обязательно. Конечно, стрелок я неважный, но разве в этом дело?.. На охоту я не взял бы с собой ни одну женщину. Только тебя... И знаешь почему?.. Потому что я тебя люблю... Ты слышишь?.. Ну! открой же меня!

ИРИНА. Открыть?.. Разве ты закрыт?

Зилов толкнул дверь.

ИРИНА В самом деле. Повернула ключ.

Зилов распахнул дверь. Пауза. Зилов поражен, растерян.

ИРИНА Что ты так на меня смотришь?

Маленькая пауза.

ЗИЛОВ. Черт возьми!.. Ты просто королева!.. Какое платье! Чудо!
Где ты его взяла?

ИРИНА. Это?.. Но оно старое... Я вчера была в нем и позавчера...

ЗИЛОВ. Не может быть... Все равно, сегодня ты особенная... Такую я тебя еще ни разу не видел.

ИРИНА (рада). Это правда?.. А кто тебя закрыл?

ЗИЛОВ. Закрыл?.. Ах, закрыл! Сосед... Взрослый человек и все придуривается.

ИРИНА. Ты в самом деле так меня любишь?

ЗИЛОВ. Как?

ИРИНА. Так, как ты сейчас говорил.

ЗИЛОВ (обнимает ее). Ты что, сомневаешься?

ИРИНА. Нет... Как ты меня узнал? Неужели ты знаешь мои шаги?

ЗИЛОВ. Конечно.

ИРИНА (она счастлива). Даже не верится...

ЗИЛОВ. Ну почему же? Я тебя ждал... Но если признаться честно, я увидел тебя с балкона.

ИРИНА. А твоя охота, она далеко?

ЗИЛОВ. Что?.. Да, да, очень далеко. Безумно далеко.

ИРИНА. Отец тоже брал меня на охоту... Я поеду с тобой, что бы ни было. Поступлю или нет - все равно. А когда?

ЗИЛОВ. Что - когда?

ИРИНА. Когда мы поедем на охоту?

Зилов вдруг начинает смеяться.

Почему ты смеешься?

Он смеется, не может ответить.

Что с тобой?.. Почему ты смеешься?

ЗИЛОВ (сквозь смех). Нет, нет... Не обращай внимания. Это я так... Вспомнил кое-что... Сейчас... Сейчас... (Перестал смеяться.) Ну вот и все.

ИРИНА (испуганно). Ты не надо мной смеялся?

ЗИЛОВ. Ну что ты. Конечно нет. Просто я вспомнил... Вспомнил один анекдот. Вчера в конторе рассказали. Неожиданно вспомнил. Бывает же так.

ИРИНА. Расскажи.

ЗИЛОВ. Что рассказать?

ИРИНА. Анекдот расскажи.

ЗИЛОВ. Да не стоит.

ИРИНА. Нет, расскажи.

ЗИЛОВ. Ну хорошо... Муж уехал в командировку... Или нет, жена уехала в командировку... Да ну его к черту!

ИРИНА. Нет, расскажи.

Зилов качает головой: нет.

Но почему?

ЗИЛОВ. Тебе нельзя. Этот анекдот нехороший. Мерзкий анекдот.

ИРИНА. Когда же мы поедем на охоту?

ЗИЛОВ. Скоро. Скоро поедем.

Вопросы и задания

1. Какую роль в семантике концепта «Антигерой» играет образ «человека без сердца»? Как трансформировался тип «лишнего человека» русской классической литературы в образ Виктора Зилова? Каким предстает в этом фрагменте Зилов – как «победительный герой шестидесятых» (Н. Лейдерман) или «антигерой», портрет которого составлен из «пороков всего нашего поколения в полном их развитии»?

2. Как складываются взаимоотношения Зилова с окружающими его людьми? «Оскорбленные чувства» чувства Зилова – правда или обман? Как реализуется данная антиномия в концепте «Антигерой»?

3. Проанализируйте мотив предательства в концепте «Антигерой». Какой героине «Утиной охоты» адресованы слова, которые слышит Ирина? Можно ли считать отсутствие человеческих привязанностей доминантой характера персонажа и концепта «Антигерой» в целом?

4. В чем заключается гуманистический идеал А. Вампилова? Является ли образ «утиной охоты» символом истинной жизни в понимании писателя и его героя?

5. Докажите многозначность художественной оценки современного «антигероя». Почему А. Вампилов отказывается от вынесения ему однозначного и окончательного приговора?

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

2.1. Реалистическая русская проза

В. Распутин. Пожар

<...> Свет переворачивается не сразу, не одним махом, а вот так, как у нас: было не положено, не принято, стало положено и принято, было нельзя, - стало можно...И до каких пор мы будем сдавать то, на чем вечно держались? <...>

Четыре подпорки у человека в жизни: дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом. <...>

Чтобы человеку чувствовать себя в жизни сносно, нужно быть дома. Вот: дома. Поперед всего – дома, а не на постое, в себе, в своём собственном внутреннем хозяйстве ... Затем дома – в избе, на квартире, откуда, с одной стороны, уходишь на работу, и с другой – в себя. И дома - на родной земле.

<...>стояла тут Егоровка, работницей была не последней, на матушку – Россию работала.

<...> ...Ей, земле, решать, ей, вынашивающей правых и виноватых, своих и чужих, собственным поставом судить, что потом из кого выйдет.

<...> Идет по весенней земле маленький заблудившийся человек, отчаявшийся найти свой дом, и вот зайдет он сейчас зва перелесок и скроется навсегда.

Молчит, не то встречая, не то провожая его, земля.

А. Варламов. Дом в деревне: Повесть сердца

<...> Все ласкало глаз и радовало сердце, здесь, среди леса, сырости, болотных кочек и проложенных повсюду дощатых дорожек... все это запало мне в душу.

В непогоду едва не потонув, пересекли громадное озеро Воже, а потом попали и вовсе в глухие, безлюдные места, толком не обозначенные на туристической схеме <...> Неширокая, но бурливая в позднем весеннем половодье речка весело и скоро несла меня вместе с бревнами и ветками над каменистыми перекатами мимо сумрачных сырых лесов, маленьких зеленых островов, прибрежных покосов, полей, песчаных отмелей, обрывистых берегов, глубоких оврагов, заброшенных хуторов и полуразрушенных мостов и плотин <...>

<...> долгие полунощные закаты, пронзительные и сочные северные цвета, открытые люди, одаривавшие нас хлебом и молоком, большие рубленые дома, заросшие ягодой поляны и мшины – все это запало мне в душу <...>

<...> В своем прекраснодушии я воображал, что в русской деревне я встречу христианский дух.<...> Молодой, бородатый, я казался местному населению кем- то вроде беглого заключенного. Побег из многочисленных колоний, располагавшихся к северу от Вожеги, убийства и грабежи в этих краях иногда случались, обрастали жуткими слухами и наводили на людей ужас.

Б. Екимов. Возвращение

Всякий день молюсь Господу, Богородицу всякий день прошу... Богородица – моя заступница...- подслеповато жмурясь, обращается она к божнице, крест кладет.

Весной идут к ней за семенами да рассадой. Соседи идут, а родня да свойство – словно в дом свой.» «куда правиться... К бабке Наде. Там уж точно не будет отказа и скупых отговорок, когда отводят глаза: “Было, да вышло...” Баба Надя ли, баба Надежа – она и есть “надежа”

<...> В непогожий осенний день, как раз перед Анной- зимней пришла беда...Во дворе стояла осенняя сумеречь, а в хате – и вовсе тьма. И пахло каким- то смрадом. Словно не в родную хату вошла, а в чужой дом, давно брошенный...Еще не видя, старая женщина все поняла и шагнула к тому углу, перед каким молилась. Она шагнула и стала руками обшаривать стены, глазам не веря. Угол был пуст. Осталась лишь липкая паутина. И не было икон.

Вопросы и задания

1. Какова проблематика повести В.Распутина «Пожар»? Можно ли считать название символическим? Какие концепты, базовые для «деревенской прозы», можно обнаружить в приведённой цитате: «*Четыре подпорки у человека в жизни: дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом*»? Обратите внимание на особенности репрезентации признаков концептов: «Дом», «Труд», «Народ», «Земля». Концепты «Труд», «Народ» имеют в прозе писателя дополнительные имена: «работа», «люди». Охарактеризуйте главного героя повести «Пожар». Почему в концептосфере художественной прозы В.Распутина второй половины 1980-х гг. концепты «Труд»/ «работа», «Народ» / «люди» неразрывно связаны с другими концептами: «Жизнь», «Дом», «Земля», «Деревня», «Лад». Почему? Аргументируйте.

2. Прочтите фрагменты из повести А.Варламова «Дом в деревне»: описание северной русской природы, раздумий и переживаний автобиографического героя – повествователя. Какое место занимают концепты «Дом», «Народ», «Деревня», «Земля» в сознании автобиографического героя? Какие признаки репрезентации концепта «Дом» обнаруживаются уже в названии: «Дом в деревне: Повесть сердца»? Какие нравственные ценности авторов данного литературного течения, восприняты автобиографическим героем повести писателя – реалиста А.Н. Варламова?

3. Прочтите фрагменты из рассказа Б.П. Екимова «Возвращение». К какой теме, проблеме обратился писатель в рассказе «Возвращение»? Охарактеризуйте главную героиню - бабу Надежу. К какому литературному типу (сверхтипу) принадлежит героиня Б.П. Екимова? Как воплощаются в прозе Б.П.Екимова 1990-х гг. концепты «Дом», «Народ», «Деревня», «Земля»?

4. Какую роль играет в сюжете рассказа оппозиция «старый / малый»? Почему у девочки нет имени?

5. Подготовьтесь к самостоятельному концептному анализу: «Анализ концепта «Детство» в рассказе «Возвращение».

2.2. «Другая проза»

Л. Петрушевская. Время ночь

<...> Как быстро все отцветает, как беспомощно смотреть на себя в зеркало! Ты-то ведь та же, а уже все, Тима: баба, пошли, говорит мне сразу же по приходе на выступление, не выносит и ревнует к моему успеху. Чтобы все знали, кто я: его бабушка. Но что делать, маленький, твоя Анна должна денежку зарабатывать (я себя ему называю Анна). Для тебя же, сволочь неотвязная, и еще для бабы Симы, слава Богу, Алена пользуется алиментами, но Андрею-то надо подкинуть ради его пяты (потом расскажу), ради его искалеченной в тюрьме жизни. Да. Выступление одиннадцать рублей. Когда и семь. Хотя бы два раза в

месяц, спасибо Надечке опять, низкий поклон этому дивному существу. Как-то Андрей по моему поручению съездил к ней, отвез путевки и, подлец, занял-таки у бедной десять рублей! При ее больной безногой матери! Как я потом била хвостом и извивалась в муках! Я сама, шептала я ей при полной комнате сотрудников и таких же бессрочных поэтов, как я, я сама знаю... У самой матушка в больнице, уже какой год...<...>Какой год? Семь лет. Раз в неделю мука навещать, все, что приношу, съедает тут же жадно при мне, плачет и жалуется на соседок, что у нее все съедают. Ее соседки, однако же, не встают, как мне сообщила старшая сестра, откуда такие жалобы? Лучше вы не ходите, не баламутьте тут воду нам больных. Так она точно выразилась. Недавно опять сказала, я пришла с перерывом в месяц по болезни Тимы: твердо не ходите. Твердо.

И Андрей ко мне приходит, требует свое. Он у жены, так и живи, спрашивается. Требуется на что? На что, спрашиваю, ты тянешь у матери, отрываешь от бабушки Симы и малышки? На что, на что, отвечает, давай я сдам мою комнату и буду иметь без тебя столько-то рублей. Каку твою комнату, изумляюсь я в который раз, каку твою, мы прописаны: баба Сима, я, Алена с двумя детьми и только лишь потом ты, плюс ты живешь у жены. Тебе тут полагается пять метров. Он точно считает вслух: раз комната пятнадцать метров стоит столько-то рублей, откуда-то он настаивает именно на этой сумасшедшей цифре, поделить на три, будет такая-то сумма тридцать три копейки. Ну хорошо, соглашается он, за квартиру ты платишь, подели на шесть и отними. Итого ты мне должна ровно миллион рублей в месяц. Теперь так, Андрюша, в таком случае, говорю я ему, я на тебя подаю на алименты, годится? В таком случае, говорит он, я сообщу, что ты уже получаешь алименты с Тимкиного папаши. Бедный! Он не знает, что я ничего не получаю, а ежели бы узнал, ежели бы узнал... Мгновенно пошел бы на Аленушкину работу орать и подавать заявку на не знаю на что. Алена знает этот мой аргумент и держится подальше, подальше, подальше от греха, а я молчу. Живет где-то, снимает с ребенком. На что? Я могу подсчитать: алименты — это столько-то рублей. Как матери-одиночке это столько-то рублей. Как кормящей матери до года от предприятия еще сколько-то рублей. Как она живет, не приложу разума. Может быть, отец ее малыша платит за квартиру? Она сама, кстати, скрывает факт, с кем живет и живет ли, только плачет, приходя ровным счетом два раза со времен родов. Вот это было свидание Анны Карениной с сыном, а это я была в роли Каренина. Это было свидание, происшедшее по той причине, что я поговорила с девочками на почте (одна девочка моего возраста), чтобы они поговорили с такой-то, пусть оставит в покое эти Тимочкины деньги, и дочь в день алиментов возникла на пороге разъяренная, впереди толкает коляску красного цвета (значит, у нас девочка, мельком подумала я), сама опять пятнистая, как в былые времена, когда кормила Тимку, грудастая крикливая тетка, и вопит:

«Собирай Тимку, я его забираю к ...ней матери». Тимочка завыл тонким голосом, как кутенок, я стала очень спокойно говорить, что ее следует лишить права на материнство, как же можно так бросить ребенка на старуху и так далее. Этсетера. Она: «Тимка, едем, совсем у этой стал больной», Тимка перешел на визг, я только усмехаюсь, потом говорю, что она ради полсотни ребенка сдаст в психбольницу, она: это ты мать сдала в психбольницу, а я: «Ради тебя и сдала, по твоей причине», кивок в сторону Тимки, а Тимка визжит как поросенок, глаза полны слез и не идет ни ко мне, ни к своей «...ней матери», а стоит, качается. Никогда не забуду, как он стоял, еле держась на ногах, малый ребенок, шатаясь от горя. И эта в коляске, ее приبلудная, тоже проснулась и зашлась в крике, а моя грудастая, плечистая дочь тоже кричит: ты даже на внучку родную не хочешь посмотреть, а это ей, это ей! И, крича, выложила все суммы, на которые живет. Вы здесь типа того проживаете, а ей негде, ей негде! А я спокойно, улыбаясь, ответила и по существу, что пусть ей тот платит, который это ей заделал и смылся, как видно, уже второй раз никто тебя не выдерживает. Она, моя дочь-мамаша, хватить со стола скатерть и бросила на два метра вперед в меня, но скатерть не такая вещь, чтобы ею можно было убить кого-либо, я отвела скатерть от лица — и все. А на скатерти у нас ничего не лежит, полиэтиленовая скатерть, ни тебе крошки, хорошо, ни стекла, ни тебе утюга.

Это было время пик, время перед моей пенсией, я получаю двумя днями позже ее алиментов. А дочь усмехнулась и сказала, что мне нельзя давать эти алименты, ибо они пойдут не на Тиму, а на других — на каких других, возопила я, поднявши руки к небу, посмотри, что у нас в доме, полбуханки черняшки и суп из минтая! Погляди, вопила я, соображая, не пронюхала ли чего моя дочь о том, что я на свои деньги покупала таблетки для одного человека, кодовое название Друг, подходит ко мне вечером у порога Центральной аптеки скорбный, красивый, немолодой, только лицо какое-то одутловатое и темное во тьме: «Помоги, сестра, умирает конь». Конь. Какой такой конь? Выяснилось, что из жокеев, у него любимый конь умирает. При этих словах он заскрипел зубами и тяжело ухватился за мое плечо, и тяжесть его руки пригвоздила меня к месту. Тяжесть мужской длани. Согнет или посадит или положит — как ему будет угодно. Но в аптеке по лошадиному рецепту лошадиную дозу не дают, посылают в ветеринарную аптеку, а она вообще закрыта. А конь умирает. Надо хотя бы пирамидон, в аптеке он есть, но дают мизерную дозу. Нужно помочь. И я как идиотка как под гипнозом вознеслась обратно на второй этаж и там убедила молоденькую продавщицу дать мне тридцать таблеток (трое деточек, внуки, лежат дома, вечер, врач только завтра, завтра амидопирин может и не быть и т. д.) и купила на свои. Пустяк, деньги небольшие, но и их мне Друг не отдал, а записал мой адрес, я жду его со дня на день. Что было в его глазах, какие слезы стояли, не проливаясь,

когда он нагнулся поцеловать мне мою пахнущую постным маслом руку: я потом специально ее поцеловала, действительно, постное масло — но что делать, иначе цыпки, шершавая кожа! Ужас, наступает момент, когда надо хорошо выглядеть, а тут постное масло, полуфабрикат исчезнувших и недоступных кремов! Тут и будь красавицей!

Итак, прочь коня, тем более, что когда я отдала в жадную, цепкую, разбухшую больную руку три листочка с таблетками, откуда-то выдвинулся упырь с большими ушами, тихий, скорбный, повесивший заранее голову, он неверным шагом подошел и замаячил сзади, мешая нашему разговору и записи адреса на спичечном коробке моей же ручкой. Друг только отмахнулся от упыря, тщательно записывая адрес, а упырь подплясывал сзади, и, после еще одного поцелуя в постное масло, Друг вынужден был удалиться в пользу далекого коня, но одну-то упаковку, десяток, они тут же поделили и, нагнувшись, начали выкусывать таблетки из бумажки. Странные люди, можно ли употреблять такие лошадиные дозы даже при наличии лихорадки! А что оба были больны, в этом у меня не осталось сомнений! И коню ли предназначались эти жалкие таблетки, выуженные у меня? Не обман ли сие? Но это выяснится, когда Друг позвонит у моей двери.

Итак, я возопила: погляди, на кого мне расходовать, — а она внезапно отвечает залившись слезами, что на Андрея, как всегда. Ревниво плачет по-настоящему, как в детстве, ну что? Поешь с нами? Поем. Я ее посадила, Тимка сел, мы пообедали последним, после чего моя дочь раскошелилась и выдала нам малую толику денег. Ура. <...>

Вопросы и задания

1. Определите своеобразие художественной концептосферы «другой прозы». Как в ней связаны натуралистически воссозданная повседневность и исследование ужесточенной логики социальных отношений?

2. Какую роль в художественной концептосфере «другой прозы» играет концепт «Семья»? Как в монологе Анны Андриановны представлены взаимоотношения представителей разных поколений (Симы и Анны, Анны и Алены, Анны и Андрея, Анны и Тимы)?

3. Проследите актуализацию мотивов одиночества, отстраненности и неустроенности жизни. Почему саморазрушение становится формой устойчивого существования семьи Анны Андриановны? Как связаны концепты «Семья», «Дом» и «Круг»?

4. Как проявляется семантическая амбивалентность концепта «Любовь»? С какими из перечисленных концептов («Счастье», «Свобода», «Жизнь», «Смерть», «Вера») он связан в повести «Время ночь»?

5. В чем выражается специфика «метафизического» слоя концептосферы «другой прозы» в повести «Время ночь»? Как звучат в ней мотивы судьбы и рока? Объясните смысл названия повести. Как он

связан с гуманистическими идеалами Л.Петрушевской, в частности с концептами «Мать» и «Дитя»?

2.3. Постреализм

С. Довлатов. Заповедник

<...>Жизнь расстилалась вокруг необозримым минным полем. Я находился в центре. Следовало разбить это поле на участки и браться за дело. Разорвать цепь драматических обстоятельств. Проанализировать ощущение краха. Изучить каждый фактор в отдельности.

Человек двадцать лет пишет рассказы. Убежден, что с некоторыми основаниями взялся за перо. Люди, которым он доверяет, готовы это засвидетельствовать.

Тебя не публикуют, не издают. Не принимают в свою компанию. В свою бандитскую шайку. Но разве об этом ты мечтал, бормоча первые строчки?

Ты добиваешься справедливости? Успокойся, этот фрукт здесь не растет. Несколько сияющих истин должны были изменить мир к лучшему, а что произошло в действительности?..

У тебя есть десяток читателей. Дай бог, чтобы их стало еще меньше...

Тебе не платят — вот что скверно. Деньги — это свобода, пространство, капризы... Имея деньги, так легко переносить нищету...

Учись зарабатывать их, не лицемеря. Иди работать грузчиком, пиши ночами. Мандельштам говорил, люди сохраняют все, что им нужно. Вот и пиши...

У тебя есть к этому способности — могло и не быть. Пиши, создай шедевр. Вызови душевное потрясение у читателя. У одного-единственного живого человека... Задача на всю жизнь.

А если не получится? Что ж, ты сам говорил, в моральном отношении неудавшаяся попытка еще благороднее.

Пиши, создай шедевр. Вызови душевное потрясение у читателя. У одного-единственного живого человека... Задача на всю жизнь.

А если не получится? Что ж, ты сам говорил, в моральном отношении неудавшаяся попытка еще благороднее. Хотя бы потому, что не вознаграждается ...

Пиши, раз уж взялся, тащи этот груз. Чем он весомее, тем легче...

Тебя угнетают долги? У кого их не было?! Не огорчайся. Ведь это единственное, что по-настоящему связывает тебя с людьми...

Жить невозможно. Надо либо жить, либо писать. Либо слово, либо дело. Но твое дело — слово. А всякое Дело с заглавной буквы тебе ненавистно. Вокруг него — зона мертвого пространства. Там гибнет все, что мешает делу. Там гибнут надежды, иллюзии, воспоминания. Там царит убогий, непререкаемый, однозначный материализм...

И снова — не то, не то<...>.

<...>Я отправился на турбазу. На этот раз здесь былолюдно. Вокруг стояли разноцветные автомашины. Группами и поодиночке бродили туристы в курортных шапочках. У газетного киоска выстроилась очередь. Из распахнутых окон столовой доносился звон посуды и визг металлических табуреток. Здесь же резвилось несколько упитанных дворняг. На каждом шагу я видел изображения Пушкина. Даже возле таинственной кирпичной будочки с надписью «Огнеопасно!». Сходство исчерпывалось бакенбардами. Размеры их варьировались произвольно. Я давно заметил: у наших художников имеются любимые объекты, где нет предела размаху и вдохновению. Это в первую очередь — борода Карла Маркса и лоб Ильича...

Репродуктор был включен на полную мощность:

— Внимание! Говорит радиоузел пушкиногорской туристской базы. Объявляем порядок дня на сегодня...

Я зашел в экскурсионное бюро. Галину осаждали туристы. Она махнула рукой, чтобы я подождал.

Я взял с полки брошюру «Жемчужина Крыма». Достал сигареты.

Экскурсоводы, получив какие-то бумаги, удалялись. За ними к автобусам бежали туристы. Несколько «диких» семейств жаждало присоединиться к группам. Ими занималась высокая худенькая девушка.

Ко мне застенчиво приблизился мужчина в тирольской шляпе:

— Извините, могу я задать вопрос?

— Слушаю вас.

— Это дали?

— То есть?

— Я спрашиваю, это дали? — Тиролец увлек меня к распахнутому окну.

— В каком смысле?

— В прямом. Я хотел бы знать, это дали или не дали? Если не дали, так и скажите.

— Не понимаю.

Мужчина слегка покраснел и начал торопливо объяснять:

— У меня есть цветная открытка — «Псковские дали». И вот я оказался здесь. Мне хочется спросить — это дали?

— В общем-то, дали, — говорю.

— Типично псковские?

— Не без этого.

Мужчина, сияя, отошел...

Миновал час пик. Бюро опустело.

— С каждым летом наплыв туристов увеличивается, — пояснила Галина.

И затем, немного возвысив голос:

— Исполнилось пророчество: «Не зарастет священная тропа!..»

Не зарастет, думаю. Где уж ей, бедной, зарости. Ее давно вытоптали эскадроны туристов...

— По утрам здесь жуткий бардак, — сказала Галина.

Я снова подивился неожиданному разнообразию ее лексики.

Затем появилась некрасивая женщина лет тридцати — методист.

Звали ее Марианна Петровна. У Марианны было запущенное лицо без дефектов и неуловимо плохая фигура.

Я объяснил цель моего приезда. Скептически улыбаясь, она пригласила меня в отдельный кабинет.

— Вы любите Пушкина?

Я испытал глухое раздражение.

— Люблю.

Так, думаю, и разлюбить недолго.

— А можно спросить — за что?

Я поймал на себе иронический взгляд. Очевидно, любовь к Пушкину была здесь самой ходовой валютой. А вдруг, мол, я — фальшивомонетчик...

— То есть как? — спрашиваю.

— За что вы любите Пушкина?

— Давайте, — не выдержал я, — прекратим этот идиотский экзамен. Я окончил среднюю школу. Потом — университет. (Тут я немного преувеличил. Меня выгнали с третьего курса.) Кое-что прочел. В общем, разбираюсь... Да и претендую всего лишь на роль экскурсовода...

— И все-таки? — Марианна ждала ответа. Причем того ответа, который ей был заранее известен.

— Ладно, — говорю, — попробую... Что ж, слушайте. Пушкин — наш запоздалый Ренессанс. Как для Веймара — Гете. Они приняли на себя то, что Запад усвоил в XV–XVII веках. Пушкин нашел выражение социальных мотивов в характерной для Ренессанса форме трагедии. Он и Гете жили как бы в нескольких эпохах. «Вертер» — дань сентиментализму. «Кавказский пленник» — типично байроническая вещь. Но «Фауст», допустим, это уже елизаветинцы. А «Маленькие трагедии» естественно продолжают один из жанров Ренессанса. Такова же и лирика Пушкина. И если она горька, то не в духе Байрона, а в духе, мне кажется, шекспировских сонетов... Доступно излагаю?

— При чем тут Гете? — спросила Марианна. — И при чем тут Ренессанс?

— Ни при чем! — окончательно взбесился я. — Гете совершенно ни при чем! А Ренессансом звали лошадь Дон Кихота. Который тоже ни при чем! И я тут, очевидно, ни при чем!..

— Успокойтесь, — прошептала Марианна, — какой вы нервный... Я только спросила: «За что вы любите Пушкина?..»

— Любить публично — скотство! — заорал я. — Есть особый термин в сексопатологии...

Дрожащей рукой она протянула мне стакан воды. Я отодвинул его.

— Вы-то сами любили кого-нибудь? Когда-нибудь?!

Не стоило этого говорить. Сейчас она зарыдает и крикнет:

«Мне тридцать четыре года, и я — одинокая девушка!..»

— Пушкин — наша гордость! — выговорила она. — Это не только великий поэт, но и великий гражданин...

По-видимому, это и был заведомо готовый ответ на ее дурацкий вопрос.

Только и всего, думаю?

— Ознакомьтесь с методичкой. А вот — список книг. Они имеются в читальном зале. И доложите Галине Александровне, что собеседование прошло успешно<...>.

<...>Я направился в Сосново. Спускаясь под гору, я увидел несколько изб, окруженных березами. В стороне бродили одноцветные коровы, плоские, как театральные декорации. Грязные овцы с декадентскими физиономиями вяло щипали траву. Над крышами летали галки. Я шел по деревне, надеясь кого-то встретить. Некрашенные серые дома выглядели убого. Колья покосившихся изгородей были увенчаны глиняными сосудами. В накрытых полиэтиленом загонах суетились цыплята. Нервной мультипликационной походкой выступали куры. Звонко тявкали лохматые приземистые собаки.

Я пересек деревню, вернулся. Помедлил возле одного из домов. Хлопнула дверь, и на крыльце появился мужчина в застиранной железнородожной гимнастерке.

Я поинтересовался, как найти Сорокина.

— Не Мишку случайно?

— Его зовут МихалИваныч.

— Так это Мишка и есть. Долихи зять. ЗнаетеДолиху, криво повязанную?

— Я приезжий.

— Не с Опочки?

— Из Ленинграда.

— А, знаю, слышал...

— Так как бы МихалИваныча разыскать?

— Мишку-то?

— Вот именно.

Толик откровенно и деловито помочился с крыльца.

Затем приоткрыл дверь и скомандовал:

— Але! Раздолбай Иваныч! К тебе пришли.

И, подмигнув, добавил:

— С милиции, за алиментами...

Тотчас высунулась багровая рожа, щедро украшенная синими глазами:

— Это... Кому?.. Вы насчет ружья?

— Мне говорили, у вас сдается комната.

На лице МихалИваныча выразилось сильнейшее замешательство. Впоследствии я убедился, что это — его обычная реакция на любое, самое безобидное заявление.

— Комнату?.. Это... Зачем?

— Я работаю в заповеднике. Хочу снять комнату. Временно. До осени. Есть у вас лишняя комната? Комнату, — говорю, — сдаете или нет?

— Проводи человека, — распорядился Толик, застегивая ширинку.

Мы шли втроем по деревенской улице. У изгороди стояла тетка в мужском пиджаке с орденом Красной Звезды на лацкане.

— Зин, одолжи пятерочку! — выкрикнул МихалИваныч.

Тетка отмахнулась:

— Угоришь с вина... Слышал, постановление вышло? Всех алкашей повесить на тросу!..

— Куда?! — расхохотался МихалИваныч. — Железа не хватит. Всей нашей металлургии придет хана...

Это был широкоплечий, статный человек. Даже рваная, грязная одежда не могла его по-настоящему изуродовать. Бурое лицо, худые мощные ключицы под распахнутой сорочкой, упругий, четкий шаг... Я невольно им любовался...

Дом МихалИваныча производил страшное впечатление. На фоне облаков чернела покосившаяся антенна. Крыша местами провалилась, оголив неровные темные балки. Стены были небрежно обиты фанерой. Треснувшие стекла — заклеены газетной бумагой. Из бесчисленных щелей торчала грязная пакля. В комнате хозяина стоял запах прокисшей еды. Над столом я увидел цветной портрет Мао из «Огонька». Рядом широко улыбался Гагарин. В раковине с черными кругами отбитой эмали плавали макароны. Ходики стояли. Утюг, заменявший гирю, касался пола. Две кошки геральдического вида — угольно-черная и розовато-белая — жеманно фланировали по столу, огибая тарелки. Хозяин шуганул их подвернувшемся валенком. Звякнули осколки. Кошки с безумным ревом перелетели в темный угол.

Соседняя комната выглядела еще безобразнее. Середина потолка угрожающе нависала. Две металлические кровати были завалены тряпьем и смердящими овчинами. Повсюду белели окурки и яичная скорлупа.

Откровенно говоря, я немного растерялся. Сказать бы честно: «Мне это не подходит...» Но очевидно, я все-таки интеллигент. И я произнес нечто лирическое:

— Окна выходят на юг?

— На самый, самый юг, — поддакнул Толик.

— Главное, — сказал я, — вход отдельный.

— Ход отдельный, — согласился МихалИваныч, — только заколоченный.

— А, — говорю, — жаль.

— Эйн момент, — сказал хозяин, разбежался и вышиб дверь ногой.

— Сколько платить?

— А нисколько.

— То есть как? — спрашиваю.
 — А вот так. Неси шесть бутылок отравы, и площадь за тобой.
 — Нельзя ли договориться более конкретно? Скажем, двадцать рублей вас устраивает?
 Хозяин задумался:
 — Это сколько будет?
 — Я же говорю — двадцать рублей.
 — А если на кир перевести? По рупь четыре?
 — Девятнадцать бутылок «Розового крепкого». Пачка «Беломора». Два коробка спичек, — отчеканил Толик.
 — И два рубля — подъемных, — уточнил МихалИваныч.
 Я вынул деньги.
 — Туалет осмотреть желаете?
 — Потом, — говорю. — Значит, условились? Где вы оставляете ключ?
 — Нет ключа, — сказал МихалИваныч, — потерял. Да ты не уходи, мы сбегает.
 Друзья направились в микрорайон, жизнелюбивые, отталкивающие и воинственные, как сорняки...
 А я до закрытия просидел в библиотеке<...>

Вопросы и задания

1. Художественная концептосфера повести С. Довлатова «Заповедник» формируется благодаря взаимодействию «экзистенциальных», «креативных» и «социальных» концептов. Как данные группы концептов формируют конфликт произведения, противопоставляя личность художника миру компромиссов?
2. Проанализируйте «креативные» концепты повести, встречающиеся в предложенных фрагментах текста. Как Довлатов осмысливает проблемы творчества и творческой судьбы художника? Как связаны концепты «Творчество» и «Пушкин»?
3. Определите функции концепта «Заповедник» в довлатовской повести. В чем заключается амбивалентность концепта? Почему критик А. Генис называет пушкинский заповедник карикатурой на государство, «грандиозным парком культуры и отдыха»?
4. Проанализируйте концепты «Я», «Жизнь», ставящие в центр повести Бориса Алиханова, журналиста, писателя, экскурсовода Пушкинского заповедника. Как связаны концепты «Норма» и «Абсурд»? Как в повести достигается компромисс между несовместимо полярными состояниями и понятиями?
5. Как вскрывая метаморфозы, совершающиеся с человеческим «Я» в симулятивной атмосфере заповедника, С. Довлатов выступает в защиту самодостаточного человека, противопоставит подменам, обесценивающим жизнь творческой личности?

2.4. Постмодернизм

А.Терц Прогулки с Пушкиным

<...> С именем Пушкина, и этим он - всем на удивление - нов, свеж, современен и интересен, всегда связано чувство физического присутствия, непосредственной близости, каковое он производит под маркой доброго знакомого, нашего с вами круга и сорта, всем доступного, с каждым встречавшегося, еще вчера здесь рассыпавшего свой мелкий бисер. Его появление в виде частного лица, которое ни от кого не зависит и никого не представляет, а разгуливает само по себе, заговаривая с читателями прямо на бульваре: - Здравствуйте, а я - Пушкин! - было как гром с ясного неба после всех околичностей, чинов и должностей восемнадцатого столетия. Пушкин - первый штатский в русской литературе, обративший на себя внимание. В полном смысле штатский, не дипломат, не секретарь, никто. Штафирка, шпак. Но погромче военного. Первый поэт со своей биографией, а не послужным списком.

Биографии поэтов до Пушкина почти не известны, не интересны вне государственных дел. Даже Батюшков одно время витийствовал в офицерах. Даже скромный Жуковский числился при дворе старшим преподавателем. Восхищаясь Державиным, Бестужев (в статье "О романе Н. Полевого "Клятва при гробе Господнем"", 1833 г.) уверяет, что не таланту российский Гораций был обязан своей известностью: "Все поклонялись ему, потому что он был любимец Екатерины, потому что он был тайный советник. Все подражали ему, потому что полагали с Парнаса махнуть в следующий класс, получить перстенок или приборец на нижнем конце вельможи или хоть позволение потолкаться в его прихожей..."

И вот - извольте радоваться!
Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора.

Это был вызов обществу - отказ от должности, от деятельности ради поэзии. Это было дезертирство, предательство. Еще Ломоносов настаивал: "Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!" А Пушкин, наплевав на тогдашние гражданские права и обязанности, ушел в поэты, как уходят в босяки.

Особенно непристойно это звучало по отношению к воинской доблести, еще заставлявшей дрожать голоса певцов. В ту пору, когда юнцу самое время грезить о ментике и темляке, Пушкин, здоровый лоб (поили-кормили, растили-учили, и на тебе!), изображал из себя отшельника, насвистывая в своем шалаше:

Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за славой.

Ему не составляло труда изобразить баталию и мысленно там фехтовать для испытания характера. Но все это - не то, не подвиги, не геройства, а психологические упражнения личности, позабывшей и думать о службе. Война его веселила, как острое ощущение, рискованная партия. "Люблю войны кровавые забавы, и смерти мысль мила душе моей". (Позднее на этих нервах много играл Лермонтов.)

Дурной пример заразителен, и спустя десять лет, когда Пушкину случилось проехаться в Арзрум, Булгарин был вынужден с горечью констатировать: "Мы думали, что автор Руслана и Людмилы устремился за Кавказ, чтоб напиться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов,- и мы ошиблись. Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии появился опять Онегин, бледный, слабый... сердцу больно, когда взглянешь на эту бесцветную картину" ("Северная Пчела", 22 марта 1830 г., № 35).

<...>И вот этот, прямо сказать, туеядец и отщепенец, всю жизнь лишь уклонявшийся от служебной карьеры, навязывается со своей биографией. Мало того, тянет за нею целую свору знакомых, приятелей, врагов и любовниц, более им прославленных, нежели Фелица Державиным. Да и чем прославленных, не тем ли единственно, что с ним дружили и ссорились, пировали и целовались и поэтому попали в учебники и хрестоматии? Скольких людей мы помним и любим только за то, что их угораздило жить неподалеку от Пушкина. И достойных, кто сами с усами -Кюхельбекера например, знаменитого главным образом тем, что Пушкин однажды, объевшись, почувствовал себя "кюхельбекерно". Теперь хоть лезь на Сенатскую площадь, хоть пиши трагедию - ничто не поможет: навсегда припечатали: кюхельбекерно.

Несправедливо? А Дельвиг? Раевские? Бенкендорф? Стоит произнести их приятные имена, как, независимо от наших желаний, рядом загорается Пушкин и гасит и согревает всех своим соседством. Не одна гениальность - личность, живая физиономия Пушкина тому виною, пришедшая в мир с неофициальным визитом и впусившая за собою в историю пол-России, вместе с царем, министрами, декабристами, балеринами, генералами - в качестве приближенных своей, ничем не выделяющейся, кроме лица, персоны<...> .

Т. Толстая На золотом крыльце сидели

Вначале был сад. Детство было садом. Без конца и края, без границ и заборов, в шуме и шелесте, золотой на солнце, светло-зеленый в тени, тысячеярусный – от вереска до верхушек сосен; на юг – колодец с жабами, на север – белые розы и грибы, на запад – комариный малинник, на восток – черничник, шмели, обрыв, озеро, мостки. Говорят,

рано утром на озере видели *совершенно* голого человека. Честное слово. Не говори маме. Знаешь, кто это был?.. – Не может быть. – Точно, я тебе говорю. Он думал, что никого нет. А мы сидели в кустах. – И что вы видели? – *Всё*.

Вот это повезло! Такое бывает раз в сто лет. Потому что единственный доступный обозрению голый – в учебнике анатомии – ненастоящий. Содрав по этому случаю кожу, нагловатый, мясной и красный, похваляется он ключично-грудинно-сосковой мышцей (всё неприличные слова!) перед учениками восьмого класса. Когда (через сто лет) мы перейдем в восьмой класс, он нам тоже все это покажет.

Таким же красным мясом старуха Анна Ильинична кормит тигровую кошку Мемеку. Мемека родилась уже после войны, у нее нет уважения к еде. Вцепившись четырьмя лапками в ствол сосны, высоко-высоко над землей, Мемека застыла в неподвижном отчаянии.

– Мемека, мясо, мясо!

Старуха потряхивает тазик с антрекотами, поднимает его повыше, чтобы кошке было лучше видно.

– Ты посмотри, какое мясо!

Кошка и старуха с тоской смотрят друг на друга. «Убери», – думает Мемека.

– Мясо, Мемека!

В душных зарослях красной персидской сирени кошка портит воробьев. Одного такого воробья мы нашли. Кто-то содрал скальп с его игрушечной головки. Голый хрупкий череп, как крыжовина. Страдальческое воробьиное личико. Мы сделали ему чепчик из кружавчиков, сшили белую рубашечку и похоронили в шоколадной коробке. Жизнь вечна. Умирают только птицы.

Четыре беспечные дачи стояли без оград – иди куда хочешь. Пятая была «собственным домом». Черный бревенчатый сруб выбирался боком из-под сырого навеса кленов и лиственниц и, светлея, умножая окна, истончаясь до солнечных веранд, раздвигая настурции, расталкивая сирень, уклонившись от столетней ели, выбегал, смеясь, на южную сторону и останавливался над плавным клубнично-георгиновым спуском вниз-вниз-вниз, туда, где дрожит теплый воздух и дробится солнце в откинутых стеклянных крышках волшебных коробок, набитых огуречными детенышами в розетках оранжевых цветов.

У дома (а что там внутри?), распахнув все створки пронизанной июлем веранды, Вероника Викентьевна – белая огромная красавица – взвешивала клубнику: на варенье себе, на продажу соседям. Пышная, золотая, яблочная красота! Белые куры бродят у ее тяжелых ног, индюки высунули из лопухов непристойные лица, красно-зеленый петух скосил голову, смотрит на нас: что вам, девочки? «Нам клубники». Пальцы прекрасной купчихи в ягодной крови. Лопух, весы, корзинка. Царица! Это самая жадная женщина на свете!(...)

А дядя Паша – муж такой страшной женщины. Дядя Паша – маленький, робкий, затюканный. Он старик: ему пятьдесят лет. Он служит бухгалтером в Ленинграде: встает в пять часов утра и бежит по горам, по долам, чтобы поспеть на паровичок. Семь километров бегом, полтора часа узкоколейкой, десять минут трамваем, потом надеть черные нарукавники и сесть на жесткий желтый стул. Клеенчатые двери, прокуренный полуподвал, жидкий свет, сейфы, накладные – дяди-Пашина работа. А когда пронесется, отшумев, веселый голубой день, дядя Паша вылезает из подвала и бежит назад: послевоенный трамвайный лязг, дымный вечерний вокзал, гарь, заборы, нищие, корзинки; ветер гонит мятые бумажки по опустевшему перрону. Летом – в сандалиях, зимой – в подшитых валенках торопится дядя Паша в свой Сад, в свой Рай, где с озера веет вечерней тишиной, в Дом, где на огромной кровати о четырех стеклянных ногах колышется необъятная золотоволосая Царица. Но стеклянные ноги мы увидели позднее. Вероника Викентьевна надолго поссорилась с мамой.

Дело в том, что однажды летом она продала маме яйцо. Было неременное условие: яйцо немедленно сварить и съесть. Но легкомысленная мама подарила яйцо дачной хозяйке. Преступление всплыло наружу. Последствия могли быть чудовищными: хозяйка могла подложить яйцо своей курице, и та в своем курином неведении высидела бы точно такую же уникальную породу кур, какая бегала в саду у Вероники Викентьевны. Хорошо, что все обошлось. Яйцо съели. Но маминой подлости Вероника Викентьевна простить не могла. Нам перестали продавать клубнику и молоко, дядя Паша, пробегая мимо, виновато улыбался. Соседи замкнулись: они укрепили металлическую сетку на железных столбах, насыпали в стратегически важных пунктах битого стекла, протянули стальной прут и завели страшного желтого пса. Этого, конечно, было мало.

Ведь могла же мама глухой ночью сигануть через забор, убить собаку и, проползая по битому стеклу, с животом, распоротым колючей проволокой, истекая кровью, изловчиться и слабеющими руками вырвать ус у клубники редкого сорта, чтобы привить его к своей чахлой клубничонке? Ведь могла же, могла добежать с добычей до ограды и, со стоном, задыхаясь, последним усилием перебросить клубничный ус папе, который притаился в кустах, поблескивая под луной круглыми очками?

С мая по сентябрь мучимая бессонницей Вероника Викентьевна выходила ночами в сад, долго стояла в белой просторной рубаше с вилами в руках, как Нептун, слушала ночных птиц, дышала жасмином. (...) Ночь шла вперед, дом глухо чернел у нее за спиной. Где-то в теплой тьме, в сердцевине дома, затерявшись в недрах огромного ложа, тихо, как мышь, лежал маленький дядя Паша. Высоко над его головой плыл дубовый потолок, еще выше плыла мансарда, сундуки со спящими в нафталине черными добротными пальто, еще выше – чердак с

вилами, ключьями сена, старыми журналами, а там – крыша, рогатая труба, флюгер, луна – через сад, через сон плыли, плыли, покачиваясь, унося дядю Пашу в страну утраченной юности, в страну сбывшихся надежд, а потом возвращалась озябшая Вероника Викентьевна, белая и тяжелая, и отдавливала ему маленькие теплые ножки.

...Эй, проснись, дядя Паша! Вероника-то скоро умрет.

Ты побродишь без мыслей по опустевшему дому, а потом воспрянешь, расцветешь, оглядишься, вспомнишь, отгонишь воспоминания, возжадешь и привезешь – для помощи по хозяйству – Вероникину младшую сестру, Маргариту, такую же белую, большую и красивую. И это она в июне будет смеяться в светлом окне, склоняться над дождевой бочкой, мелькать среди кленов на солнечном озере.

О, как на склоне наших лет...

А мы ничего и не заметили, а мы забыли Веронику, а у нас была зима, зима, зима, свинка и корь, наводнение и бородавки, и горящая мандаринами елка, и мне сшили шубу, а тетка во дворе потрогала ее и сказала: «Мутон!»

Пойдем к дяде Паше! Только ты вперед. Нет, ты. Осторожно, здесь порог. В темноте не вижу. Держись за меня. А он покажет нам комнату? Покажет, только сначала надо выпить чаю. Витые ложечки, витые ножки у вазочек. Вишневое варенье. В оранжевой тени абажура смеется легкомысленная Маргарита. Да допивай ты скорее! Дядя Паша уже знает, ждет, распахнул заветную дверь в пещеру Аладдина. О комната! О детские сны! О дядя Паша – царь Соломон! Рог Изобилия держишь ты в могучих руках! Караван верблюдов призрачными шагами прошествовал через твой дом и растерял в летних сумерках свою багдадскую поклажу! Водопад бархата, страусовые перья кружев, ливень фарфора, золотые столбы рам, драгоценные столики на гнутых ножках, запертые стеклянные колонны горок, где нежные желтые бокалы обвил черный виноград, где мерцают непроглядной тьмой негры в золотых юбках, где изогнулось что-то прозрачное, серебряное... Смотри, драгоценные часы с ненашими цифрами и змеиными стрелками! А эти – с незабудками! Ах, но вон те, вон те, смотри же! Над циферблатом – стеклянная комнатка, а в ней, за золотым столиком – золотой Кавалер в кафтане, с золотым бутербродом в руке. А рядом золотая Дама с кубком – часы бьют, и она бьет кубком по столику – шесть, семь, восемь... Сирень завидует, вглядываясь через стекло, дядя Паша садится к роялю и играет Лунную сонату. Кто ты, дядя Паша?.....

Играй, играй, дядя Паша! Халиф на час, заколдованный принц, звездный юноша, кто дал тебе эту власть над нами, замороженными, кто подарил тебе эти белые крылья за спиной, кто вознес твою серебряную голову до вечерних небес, увенчал розами, осенил горним светом, овеял лунным ветром?..

Жизнь все торопливее меняла стекла в волшебном фонаре. (.....) И, оглянувшись однажды, недоумевающими пальцами мы ощупали

дымчатое стекло, за которым, прежде чем уйти на дно, в последний раз махнул платком наш сад. Но мы еще не осознали утраты.

Осень вошла к дяде Паше и ударила его по лицу. Осень, что тебе надо? Постой, ты что же, всерьез?.. Облетели листья, потемнели дни, сгорбилась Маргарита. Легли в землю белые куры, индюки улетели в теплые страны, вышел из сундука желтый пес и, обняв дядю Пашу, слушал вечерами вой северного ветра. Девочки, кто-нибудь, отнесите дяде Паше индийского чаю! Как мы выросли. Как ты все-таки сдал, дядя Паша! Руки твои набрякли, колени согнулись. Зачем ты дышишь с таким свистом? Я знаю, я догадываюсь: днем – смутно, ночью – отчетливо слышишь ты лязг железных заслонок. Перетирается цепь.

Что ты так суетишься? Ты хочешь показать мне свои сокровища? Ну так и быть, у меня есть еще пять минут. Как давно я здесь не была. Какая же я старая! Что же, вот это и было тем, пленявшим? Вся эта ветошь и рухлядь, обшарпанные крашенные комодики, топорные клеенчатые картинки, колченогие жардиньерки, вытертый плюш, штопанный тюль, рыночные корявые поделки, дешевые стекляшки? И это пело и переливалось, горело и звало? Как глупо ты шутишь, жизни! Пыль, прах, тлен. Вынырнув с волшебного дна детства, из теплых сияющих глубин, на холодном ветру разождем озябший кулак – что, кроме горсти сырого песка, унесли мы с собой? Но, словно четверть века назад, дрожащими руками дядя Паша заводит золотые часы. Над циферблатом, в стеклянной комнатке, съежились маленькие жители – Дама и Кавалер, хозяйева Времени. Дама бьет по столу кубком, и тоненький звон пытается проклюнуть скорлупу десятилетий. Восемь, девять, десять. Нет. Прости, дядя Паша. Мне пора.

...Дядя Паша замерз на крыльце. Он не смог дотянуться до железного дверного кольца и упал лицом в снег. Белые морозные маргаритки выросли между его одеревеневших пальцев. Желтый пес тихо прикрыл ему глаза и ушел сквозь снежную крупу по звездной лестнице в черную высь, унося с собой дрожащий живой огонечек.

Новая хозяйка – пожилая Маргаритина дочь – ссыпала прах дяди Паши в жестяную банку и поставила на полку в пустом курятнике – хоронить было хлопотно. Согнутая годами пополам, низко, до земли опустив лицо, бродит Маргарита по простуженному сквозному саду, словно разыскивая потерянные следы на замолкших дорожках.

– Жестокая! Похорони его!

Но дочь равнодушно курит на крыльце. Ночи холодны. Пораньше зажжем огни. И золотая Дама Времени, выпив до дна кубок жизни, простучит по столу для дяди Паши последнюю полночь.

С. Соколов. Школа для дураков. Гл.1 Нимфея

Я <...> работал дворником в Министерстве Тревог. Я получал всего шестьдесят рублей в месяц, зато прекрасно изучил такие хорошие явления, как снегопад, листопад, дождепад и даже градобой, чего не

может, конечно же, сказать о себе никто из министров или их помощников, хотя все они и получали в несколько раз больше моего. Вот я и делаю простой вывод: если ты министр, ты не можешь как следует узнать и понять, что делается на улице и в небе, поскольку, хоть у тебя и есть в кабинете окно, ты не имеешь времени посмотреть в него: у тебя слишком много приемов, встреч и телефонных звонков. И если дворник легко может узнать о снегопаде по снежинкам на шапках посетителей, то ты, министр, не можешь, ибо посетители оставляют верхнюю одежду в гардеробе, а если и не оставляют, то пока они дожидаются лифта и едут в нем, снежинки успевают растаять. Вот почему тебе, министру, кажется, будто на дворе всегда лето, а это не так. Поэтому, если ты хочешь быть умным министром, спроси о погоде у дворника, позвони ему по телефону в вестибюль. Когда я служил дворником в Министерстве Тревог, я подолгу сидел в вестибюле и беседовал с лифтером, а Министр Тревог, зная меня как честного, исполнительного сотрудника, время от времени позванивал мне и спрашивал: это дворник такой-то? Да, отвечал я, такой-то, работаю у вас с такого-то года. А это Министр Тревог такой-то, говорил он, работаю на пятом этаже, кабинет номер три, третий направо по коридору, у меня к вам дело, зайдите на пару минут, если не заняты, очень нужно, поговорим о погоде.

Да, кстати, мало того, что я служил с ним в одном министерстве, мы еще были, а возможно являемся и сейчас, соседями по даче, то есть по дачному поселку, дача Министра наискосок от нашей. Я из осторожности употребил здесь два слова: б ы л и и я в л я е м с я, что означает е с т ь, поскольку – хотя врачи утверждают будто я давно выздоровел – до сих пор не могу с точностью и определенно судить ни о чем таком, что хоть в малейшей степени связано с понятием в р е м я. Мне представляется, у нас с ним, со временем, какая-то неразбериха, путаница, все не столь хорошо, как могло бы быть. Наши календари слишком условны и цифры, которые там написаны, ничего не означают и ничем не обеспечены, подобно фальшивым деньгам. Почему, например, принято думать, будто за первым января следует второе, а не сразу двадцать восьмое. Да и могут ли вообще дни следовать друг за другом, это какая-то поэтическая ерунда – череда дней. Никакой череды нет, дни приходят когда какому вздумается, а бывает, что и несколько сразу. А бывает, что день долго не приходит. Тогда живешь в пустоте, ничего не понимаешь и сильно болеешь. И другие тоже, тоже болеют, но молчат. Еще я хотел бы сказать, что у каждого человека есть свой особый, не похожий ни на чей, календарь жизни. Дорогой Леонардо, если бы вы попросили меня составить календарь мо е й жизни, я принес бы листочек бумаги со множеством точек: весь листок был бы в точках, одни точки, и каждая точка означала бы день. Тысячи дней – тысячи точек. Но не спрашивайте меня, какой день соответствует той или иной точке: я ничего про это не знаю. Не спрашивайте также, на

какой год, месяц или век жизни составил я свой календарь, ибо я не знаю, что означают упомянутые слова, и вы сам, произнося их, тоже не знаете этого, как не знаете и такого определения времени, в истинности которого я бы не усомнился. Смиритесь! ни вы, ни я и никто из наших приятелей не можем объяснить, что мы разумеем, рассуждая о времени, спрягая глагол е с т ь и разлагая жизнь на вчера, сегодня и завтра, будто эти слова отличаются друг от друга по смыслу, будто не сказано: завтра – это лишь другое имя сегодня, будто нам дано осознать хоть малую долю того, что происходит с нами здесь, в замкнутом пространстве необъяснимой песчинки, будто все, что здесь происходит, е с т ь, я в л я е т с я, с у щ е с т в у е т – действительно, на самом деле есть, является, существует.

<...>Павел Петрович с т о я л п о с р е д и платформы, станционные часы показывали два часа пятнадцать минут, на нем была его обычная светлая шляпа, вся в небольших дырочках, будто изъеденная молью или многократно пробитая ревизорским компостером, а на самом деле дырочки были пробиты на фабрике, чтобы у покупателя, а в данном случае у Павла Петровича, в жаркие времена года не потела голова. <...>Хорошо, но что еще носил наш учитель в то лето, да и вообще в лучшие месяцы тех незабываемых лет, когда мы жили с ним на одной станции, причем его дача находилась в поселке за рекой, а наша – в одном из тех поселков, которые были на том же берегу, что и станция? Довольно трудно ответить на этот вопрос, я не припомню в точности, что носил Павел Петрович. Проще сказать, чего он не носил. Норвегов никогда не носил обуви. Во всяком случае летом. И в тот жаркий день на платформе, на старой деревянной платформе, он легко мог бы занозить себе ногу, или сразу обе. Да, это могло произойти с каждым, но только не с нашим учителем, понимаешь, он был такой небольшой, хрупкий, и когда ты видел его бегущим по дачной тропинке или по школьному коридору, тебе казалось, будто его босые ноги совсем не касаются земли, пола, а когда он стоял в тот день посреди деревянной платформы, казалось он не стоит вовсе, но как бы висит над ней, над ее щербатыми досками, над всеми ее окурками, отгоревшими спичками, тщательно обсосанными палочками от эскимо, использованными билетами и высохшими, а потому невидимыми, пассажирскими плевками разных достоинств. Позволь мне перебить тебя, возможно я что-то не так понял. Разве Павел Петрович ходил босиком даже в школу? Нет, я очевидно оговорился, я хотел сказать, что он ходил босиком на даче, но, может быть, он не надевал обуви и в городе, когда шел на работу, а мы и не замечали. Но как бы там ни было в школьные сезоны, ты определенно знаешь, что уж летом-то Норвегов ходил без обуви. Вот именно. Как заметил однажды наш отец, лежа в гамаке с газетой в руках, на кой хрен сдалась Павлу обувь, да еще в такую жару! Это только мы, бедолаги казенные, – продолжал отец, – все никак отдохнуть ногам не даем: не сапоги так галоши, не галоши так

сапоги – так и мучаешься весь век. ....А Павел – человек вольный, мечтательный, он и умирать-то на босу ногу станет. Бездельник он, твой Павел, – сказал нам отец, – потому и босяк. Все деньги, небось, на дачу извел, в долгах сплошь, а все туда же – рыбу ловить, на берегу прохлаждаться, тоже мне – дачник фиговый. У него и дом-то нашего сарая плоше, а он еще и флюгер на крышу поставил, подумать только – флюгер! Я его, дурака, спрашиваю: зачем, мол, флюгер-то, трещит только напрасно. А он мне оттуда, с крыши: да мало ли, гражданин прокурор, что случиться может, например, говорит, ветер дует-дует в одну сторону да и переменится вдруг. Вам-то, говорит, хорошо, вы, смотрю, все газеты читаете, там, конечно про это пишут, про погоду то есть, а я, знаете, не выписываю ничего, так что для меня флюгер – вещь абсолютно необходимая. Вы-то, говорит, из газет сразу узнаете, если что не так, а я по флюгеру ориентироваться буду, куда уж точнее, точнее и быть не может, – рассказывал наш отец, лежа в гамаке с газетой в руках. Потом отец вылез из гамака, пошагал – руки-за-спину – среди сосен,... зевнул, помотал головой и сказал, имея в виду Норвегова: ну, пусть бога благодарит, что не я его директор, попрыгал бы он у меня, поизучал бы он у меня ветер кое-где, балбес малохольный, босяк, флюгер несчастный. Бедняга географ, наш отец не испытывал к нему ни малейшего уважения, вот что значит не носить обуви. Правда, к тому времени, когда мы встретились с Норвеговым на платформе, ему, Павлу Петровичу, было, по всей видимости, уже безразлично, уважает его наш отец или не уважает, поскольку к тому времени его, нашего наставника, не существовало, он умер весной такого-то, то есть за два с лишним года до нашей с ним встречи на этой самой платформе. Вот я и говорю, у нас что-то не так со временем, давай разберемся. Он долго болел, у него была тяжелая продолжительная болезнь, и он прекрасно знал, что скоро умрет, но не подавал виду. Он оставался самым веселым, а точнее – единственным веселым человеком в школе, и без конца шутил. Он говорил, что ощущает себя настолько худым, что боится, как бы его не унес какой-нибудь случайный ветер. Врачи, – смеялся Норвегов, – запретили мне подходить к ветряным мельницам ближе, чем на километр, но запретный плод сладок: меня ужасно к ним тянет, они совсем рядом с моим домом, на полынных холмах, и когда-нибудь я не выдержу. В дачном поселке, где я живу, меня называют ветрогоном и флюгером, но скажите, разве так уж плохо слыть ветрогоном, особенно если ты – географ. Географ даже обязан быть ветрогоном, это его специальность, – как вы считаете, мои молодые друзья? Не поддаваться унынию, – задорно кричал он, размахивая руками, – не так ли, жить на полной велосипедной скорости, загорать и купаться, ловить бабочек и стрекоз, самых разноцветных, особенно тех великолепных траурниц и желтушек, каких так много у меня на даче! Что же еще, – спрашивал учитель, похлопывая себя по карманам, чтобы найти спички, папиросы и закурить, – что же еще? Знайте, друзья, на свете счастья нет, ничего

подобного, ничего похожего, но зато – господи! – есть же в конце концов покой и воля. Современный географ, как впрочем и монтер, и водопроводчик, и генерал, живет всего однажды. Так живите по ветру, молодежь, побольше комплиментов дамам, больше музыки, улыбок, лодочных прогулок, домов отдыха, рыцарских турниров, дуэлей, шахматных матчей, дыхательных упражнений и прочей чепухи. А если вас когда-нибудь назовут ветрогоном, – говорил Норвегов, гремя на всю школу найденным коробком спичек, – не обижайтесь: это не так уж плохо. Ибо чего убоюсь перед лицом вечности, если сегодня ветер шевелит мои волосы, освежает лицо, задувает за ворот рубашки, продувает карманы и рвет пуговицы пиджака, а завтра – ломает ненужные ветхие постройки, вырывает с корнем дубы, возмущает и вздувает водоемы и разносит семена моего сада по всему свету, – убоюсь ли чего я, географ Павел Норвегов, честный загорелый человек из пятой пригородной зоны, скромный, но знающий дело педагог, чья худая, но все еще царственная рука с утра до вечера вращает пустопорожнюю планету, сотворенную из обманного папье-маше! Дайте мне время – я докажу вам, кто из нас прав, я когда-нибудь так крутану ваш скрипучий ленивый эллипсоид, что реки ваши потекут вспять, вы забудете ваши фальшивые книжки и газетенки, вас будет тошнить от собственных голосов, фамилий и званий, вы разучитесь читать и писать, вам захочется лепетать, подобно августовской осинке. Гневный сквозняк сдует названия ваших улиц и закоулков и надоевшие вывески, вам захочется правды. Завшивевшее тараканье племя! Безмозглое панургово стадо, обделанное мухами и клопами! Великой правды захочется вам. И тогда приду я. Я приду и приведу с собой убиенных и униженных вами и скажу: вот вам ваша правда и возмездие вам. И от ужаса и печали в лед обратится ваш рабский гной, текущий у вас в жилах вместо крови. Бойтесь Насылающего Ветер, господя городов и дач, страшитесь бризов и сквозняков, они порождают ураганы и смерчи. Это говорю вам я, географ пятой пригородной зоны, человек, вращающий пустотелый картонный шар. И говоря это, я беру в свидетели вечность – не так ли, мои юные помощники, мои милые современники и коллеги, – не так ли?

М. Елизаров. Библиотекарь. Гл. Библиотеки и читальни

Читальней называлось небольшое формирование вокруг какой-нибудь Книги – Радости, Памяти, реже – Терпения. Весь громовский мир начинался с таких маленьких общин. Появлялся одиночка, проникший в тайну Книги, и вокруг него образовывалась читальня – товарищи, которым он решился довериться. Если кто-то семейный попадал в читальню, то вскоре его близкие тоже оказывались там, и к этому относились терпимо. У каждой веревочки был свой конец, и на определенном этапе коллектив переставал пополняться.

Читальня была фундаментом, на основе которого могла со временем возникнуть библиотека. Случалось и обратное. В результате разборки небольшой по размерам клан сокращался до читальни. Публика подбиралась разная, всех возрастов и профессий. Каждый читатель был свободен морально и, что немаловажно, финансово. Этим читальня выгодно отличалась от библиотеки, где люди отдавали часть зарплаты, так называемый взнос, на поиск Книг и поддержку организационных структур.

Как и в библиотеке, в читальне имелся руководитель – он назывался библиотекарем. Это был владелец Книги либо тот, кому читальня Книгу доверила. В планы читален не входил поиск Книг, люди удовлетворялись тем, что имели, соблюдая честную очередность.

Поначалу библиотеки и читальни не пересекались, хотя и знали друг о друге. Потом библиотеки накопили силы и Книги. Существование конкурентов противоречило их тоталитарным планам. Читальни шантажировали и запугивали. Предлагали добровольно сдать Книгу, обещая место в библиотеке. Иногда Книги экспроприировали. У откровенного разбоя имелось официальное объяснение: читальни были объявлены рассадником переписчиков, и руководители крупных библиотек призывали остановить копирование любой ценой.

Из черного ниоткуда появились факельщики – исчадия, порожденные волей больших кланов. Факельщики нападали на читальни, выкрадывали Книги и сжигали. На библиотеках эти потери практически не отражались, в хранилищах во множестве имелись запасные экземпляры, а вот обездоленным читателям, лишенным единственной Книги, была одна дорога – в библиотеку.

На фоне этой противоречивой ситуации вознеслась на громовский небосклон звезда Моховой. После нескольких удачных налетов старух на хранилища влиятельных библиотек стало понятно – большой битвы не избежать. В северной полосе России нашли подходящее поле возле заброшенной деревни Невербино.

И тогда представители нескольких кланов, в том числе Лагудова и Шульги, обратились к читальням. За помощь в борьбе с Моховой в будущем им обещалась полная неприкосновенность. Поэтому под Невербино собралось столько добровольцев. Они съехались изо всех уголков страны, чтобы с оружием в руках постоять за свои читальни и Книги <...>

Гл. Книга памяти

<...> Сам я прочел Книгу лишь спустя месяц после вступления в должность и, признаюсь, не часто перечитывал – навеянная «память» была всегда одинакова, и мне иногда думалось, что от повторений она может, как штаны, изнашиваться.

Вообще, пережитое ощущение сложно назвать памятью или воспоминанием. Сон, видение, галлюцинация – все эти слова тоже не отражают сути того комплексного состояния, в которое погружала Книга.

Лично мне она подсунула полностью вымышленное детство, настолько сердечное и радостное, что в него сразу верилось из-за ощущения полного проживания видений, по сравнению с которым реальные воспоминания были бескровным силуэтом. Более того, этот трехмерный фантом воспринимался ярче и интенсивнее любой жизни и состоял только из кристалликов счастья и доброй грусти, переливающихся светом одного события в другое.

У «воспоминания» была музыкальная подкладка, сплетенная из многих мелодий и голосов. Там угадывались «Прекрасное далеко» и «Крылатые качели», белая медведица пела колыбельную Умке, бархатным баритоном Трубадур воспевал «луч солнца золотого», трогательный девичий голос просил оленя умчать ее в волшебную оленью страну: «Где сосны рвутся в небо, где быть живет и небыль». И вместе с соснами из груди рвалось и улетало сердце, точно выпущенная из теплых ладоней птица.

Вот под это полное восторженных слез поурри выделялись новогодние хороводы, веселье, подарки, катание на санках, звонко твякающий вислоухий щенок, весенние проталинки, ручейки, майские праздники в транспарантах, невысказанная высь полета на отцовских плечах. Раскидывалось поле дымных одуванчиков, в небе плыли хлопковые облака, дрожало от ветра живописное озерцо, пронзенное камышами. В теплой и мелкой воде шныряли серебристые мальки, в тронутой солнечной желтизной траве стрекотали кузнечики, фиолетовые стрекозы застывали в воздухе, ворочая головой, полной драгоценных блесток.

«Вспоминались» школьные годы. Был новенький ранец, на парте лежали цветные карандаши и раскрытая пропись с выведенными неловким почерком любимыми навеки словами: «Родина» и «Москва». Первая учительница Мария Викторовна Латынина открывала дневник и ставила красную пятерку за чистописание. Был чудно пахнущий новенький учебник по математике, в котором складывались зайцы и вычитались яблоки, и учебник по природоведению, душистый как лес.

Незаметно уроки выросли до алгебры, географии, но все эти науки постигались легко и весело. Зимние каникулы разливали морозную гладь катка, или начиналась игра в снежки, а потом наступала щебечущая скворцами весна, и рука выводила какую-то смешную любовную записку, которую через две парты передавали девочке с милыми русыми косичками.

Праздники взлетали воздушными шарами, пестрели радужные клумбы, и в каждом окне сверкало солнце. Наступало лето, над землей мчалось неистово синее небо июля, падало и становилось Черным морем с облачной пеной на волнах. Сквозь южное марево проступал васильковой глыбой Карадаг, воздух шелестел кипарисами, благоухал можжевельником. С каждым ласковым порывом ветра из зелени выныривал светлый двухэтажный корпус пионерского лагеря. На

гранитном постаменте возвышался белый, точно сахарный, Ленин, от памятника звездными лучами разбегались пестрые аллеи цветов, на стройной мачте флагштока трепетало алое звонкое счастье...

На словах это, конечно, звучит не особенно впечатляюще. Но в тот вечер, когда действие Книги исчерпалось, я долго глядел на крадущуюся в грозовом небе тучу, черную, словно печень, – тогда я понял, что буду сражаться за Книгу Громова и за выдуманное детство.

Поразительно, как легко память смирилась с дискриминацией. Книжный фантом не претендовал на кровное родство, в конце концов, он был глянцевым ворохом старых фотографий, треском домашнего кинопроектора и советской лирической песней.

И все же настоящее детство сразу покатило на задворки – долгий поезд, стылый караван заурядных событий, которыми я не дорожил.

Но все это произошло намного позже, а первые недели в широнинской читальне я клял доставшееся наследство – покойный дядя Максим, сам того не желая, изрядно подставил меня. Вместе с дядиной квартирой я унаследовал должность библиотекаря и Книгу Памяти <...>.

Гл. Взаперти

<...> Покров. Этот праздник уходит корнями в глубокое языческое прошлое, когда наши предки отмечали встречу осени с зимой. Народные верования связывали название Покров с первым инеем, который «покрывал» землю. С приходом на Русь христианства этот праздник отмечался в честь пресвятой Богородицы и её чудесного плата – покрова или мафория, который она распростёрла над молящимися в храме людьми, защищая «от врагов видимых и невидимых». <...>Кровь горячими спазмами окатывала голову. Я склонился пониже над столом, опасаясь, что на лице проступила гипсовая маска ужаса. Долго не мог отдышаться. Воздух перехватило, словно окунули в прорубь. Слава богу, я полагал, что за мною наблюдают, и ничем себя не выдал, сдержался. Я слишком хорошо знал, что означает в громовской терминологии слово «Покров»... Листок, залетевший из прошлого тысячелетия. Он всегда передо мной. Чёрная метка и бессменный календарь. В бункере с первого дня застыло 14 октября, вечный Покров...

<...>Я для порядка покричал в подъёмник: «Откройте, откройте!» – лишь ойкнуло жестяным эхом в шахте. Вытащил поднос: пюре с котлетой, салат и чай. Голода не было, но я поел. Спокойно, с достоинством, позируя наблюдателям. Затем поставил в нижнее отделение ниши «утку», полную разжиженного страха, а на верхнюю половину – поднос с пустыми тарелками. Прикрыл заслонку. В стене заскрежетали шестерёнки, скрипнул трос Я ещё долго играл на публику – хорохорился, вслух дерзил, чуть восстановились связи, горланил песни – словом, изображал бесшабашного удальца. Разве что спал при включённом плафоне. Я попробовал без света, но космическая

темнота бункера сразу превращалась в безвоздушный страх. Это было выше моих сил.

<...> Катились одинаковые дни, разнящиеся лишь гарниром. Никто не восхищался отважным узником, не посылал ответных сигналов, из которых он бы мог предположить, что его поведение оценено. Лишь безучастный подъёмник исправно, четыре раза в сутки поставлял мне пищу и судно. <...> Однажды я понял, что тюремщиц не интересует мой характер, и перестал корчить храбреца. Единственное, я ещё долго не мог смириться, что брошен на произвол судьбы. Подъёмник был хоть и односторонним, но всё же средством коммуникации. Я настойчиво пытался наладить диалог, писал развёрнутые жалобы на имя Горн, неизменно начиная: «Уважаемая Полина Васильевна». Убедительно и вежливо просил объяснить причины моего заточения, стыдил за нарушение слова, хоть и осознавал, что косвенно Горн своё обещание сдержала – я получил жизнь и неприкосновенность.

<...> .Первой мой унылый досуг летописца скрасила Книга Силы – «Пролетарская». Сюжет её был таков. Пять лет как отгремели бои. Страна перестраивает экономику на мирный лад. В военные годы план достигался нечеловеческим напряжением, сверхурочными сменами. Новая жизнь требует не только энтузиазма, но и новаторской мысли. Много трудностей встаёт на этом пути, в том числе и консерватизм некоторых руководителей предприятий. Непростая ситуация сложилась на шахте «Пролетарская». В центре повествования – инженер Соловьёв. Бывший фронтовик пытается сломать устоявшиеся порядки, добивается механизации в забое. Соловьёву противостоит начальник шахты Басюк. Он одержим стереотипами военного времени – любой ценой, хотя бы штурмовщиной, выполнить план. Басюк не в состоянии понять, что грандиозные перспективы мирного строительства требуют иных темпов и производительности, которых не достичь на устаревшем оборудовании. Отказ от своевременной модернизации систем безопасности приводит к несчастному случаю. Басюк пытается свалить всю ответственность за случившееся на Соловьёва. Понадобилась вся решительность, суровость и прямота таких закалённых войной людей, как парторг Чистяков, бригадир забойщиков Личко, чтобы заслуженное наказание понёс истинный виновник...

Начитавшись Книги Силы, я пытался выломать дверь. Напрасный и болезненный труд. Переизбыток дурной мощи чуть не оставил меня калекой. Я не заметил, как надорвался, поднимая тяжеленный дубовый стол, которым таранил неподатливую броню. Дверь не шелохнулась, прежде начал крошиться дуб. Действие Книги прошло, и меня скорчило от жуткой боли в животе и спине. Немудрено: Книга Силы активизировала потайные физические резервы конкретного читающего индивида. В тот момент я был максимально сильным лишь в пределах моего организма, а дверь бункера не просадил бы и гранатомёт.

<...> На протяжении многих дней Книгой Радости, как водкой, я глушил страх, дважды за сутки погружая себя в радужное состояние экстаза. Я старался подгадывать с чтением, чтобы финальные страницы совпадали с музыкальным ретро-эфиром. Так эффект от Книги длился почти вдвое дольше.

От беспробудного «пьянства» со мной пару раз случались галлюцинации. То за дверью слышались чьи-то шаги, ржаво скрипел открываемый засов, или же в шахте подъемника раздавался далёкий голос покойной Маргариты Тихоновны, обсуждающей с кем-то моё обеденное меню. Она убеждала, что «Алёша с детства ненавидит курицу».

Я понимал, что меня дурачат слуховые миражи, но всё равно кричал ей, просил вытащить из бункера. И словно назло, на обед давали макароны и пупырчатую куриную ногу...

<...> Это продолжалось, пока не прислали Книгу Терпения. Подаренное Книгой от мороженое безразличие устраивало меня куда больше – терпение в отличие от радости практически не имело чувственного «похмелья».

Книгу Ярости – «Дорогами Труда» – я намеренно прочёл без соблюдения Условий. Я не хотел приводить себя в состояние берсерка. Сражаться было не с кем; кроме того, я боялся повредить себя в слепом бешенстве.

<...> Я ждал седьмую и заключительную Книгу Памяти. В том, что она появится, я не сомневался. Подъемник из кормильца превратился в орудие мучительной пытки. Каждый раз я обмирал, открывая заслонку. После изнурительных волнений кусок в горло не лез, случалась и нервная рвота. Только искусственное терпение спасало.

Я не задавался вопросом, каким, собственно, образом старухи засадят меня за Книги. Механизм принуждения был очевиден. Когда заглохнет подъемник, перед Алексеем Вязинцевым встанет достаточно простой выбор: околоть от голода или сделаться оберегом Родины. Я лихорадочно набивал ящики стола хлебом.

Разумеется, я сознавал: сколько ни запасайся, сухарям придёт однажды конец. Участи чтеца-хранителя было не избежать, я мог лишь оттянуть время, уповая на немислимый спасительный «авось». Вдруг Книга Силы всё-таки оказалась в единственном экземпляре? Что, если ослабевшая Горн и четырнадцать старост уже давно умерли? Следовательно, наверху рано или поздно сменится руководство. Новая атаманша пожелает вернуть из подземелья ценнейшие Книги. Им придётся договариваться со мной, а я уж поторгуюсь...

Апрельским или майским утром я открыл заслонку. Сверху на подносе лежала Книга Памяти, внизу – судно. Пищи и воды не было.

<...> Страна, в которой находились одновременно два моих детства – подлинное и вымышленное, – была единственной настоящей

Родиной, которой я не мог отказать. И лежащая на подносе Книга Памяти была её повесткой...

<...> .Который нынче год на дворе? Если свободна Родина, неприкосновенны её рубежи, значит, библиотекарь Алексей Вязинцев стойко несёт свою вахту в подземном бункере, неустанно прядёт нить защитного Покрова, простёртого над страной, от врагов видимых и невидимых.

<...>Я допишу последние слова. Уложу тетради – чёрную, серую, голубую и три коричневых – в нишу подъёмника. Прикрою заслонку. Потом я сяду за стол. Соберусь с духом. Открою первую Книгу. Начну в хронологическом порядке, с Книги Силы.

Я не умру никогда. И зелёная лампа не погаснет.

Вопросы и задания

1. Прочитайте фрагмент из книги А.Терца «Прогулки с Пушкиным». Какова, на ваш взгляд, роль автобиографических и автопсихологических мотивов в репрезентации концепта «Пушкин»? Почему судьба писателя, сделавшего пародию из своего имени, мистерию из своей профессии, философский диалог из своей жизни, явилась поводом самозабвенно написать о Пушкине?

2. Определите значение культурно-исторической составляющей в концепте «Пушкин» у А.Терца. Сравните посмодернистскую версию концепта с гоголевской трактовкой феномена Пушкина. *«Зачем, к чему была его поэзия? Какое новое направление мысленному миру дал Пушкин? Что сказал он своему веку?<...>Зачем он был дан миру и что доказал собою?» –раздумывал Гоголь, пытаясь приблизиться к разгадке тайны великого поэта,- Пушкин был дан миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше, - что такое поэт, взятый не под условием также собственного, личного характера, как человека, но в независимости от всего<...>При мысли о всяком поэте представляется больше или меньше личность его самого... Все наши русские поэты: Державин, Жуковский, Батюшков уважали свою личность. У одного Пушкина ее нет».* Как повлияла трактовка феномена Пушкина в книге А.Терца на интерпретацию концепта «Пушкин» у следующего поколения писателей-постмодернистов? Каким образом шекспировская формула «жизнь-театр» преобразуется в русскую формулу «жизнь-литература» и в постмодернистскую «мир как текст» в концепте «Пушкин»? Каким образом «ничто», «пустота», «ноль» превращается в бытийный знак художника?

3. Прочитайте фрагмент из романа С.Соколова «Школа для дураков». Проанализируйте функцию концепта «Я». Определите значение переходного возраста героя в ситуации «межвременья». Как связаны между собой Нимфея и географ Норвегов? Определите роль

«природных» имен и названий в аксиологической составляющей концептосферы романа.

Почему «каникулярного ученика специальной школы» критик А. Генис называет «наиболее последовательным и бескомпромиссным диссидентом нашей литературы»? Как складываются отношения героя и автора, территорией внутренней эмиграции которых становится «страна вечных каникул»? Как связаны концепты «Я» и «Творчество»?

4. Как связаны между собой в концептосфере романа концепты «Я», «Детство» и «Дача»? Какую роль играют в данной структуре утопическая описательность, использование мифологем, «дача – Эдем», «дача – страна вечных каникул», мотив уходящего детства, тип героя с «чудинкой», духовного странника, архетипические образы реки и дороги? Проанализируйте мотивы исчезновения реальности, безвременья, дежавю и амнезии в структуре «хронотопных» концептов романа. Почему географ Норвегов выступает как предтеча Насылающего Ветер?

5. Прочитайте рассказ Т. Толстой «На золотом крыльце сидели». Почему автор так подробно прописывает бытовой фон в концепте «Детство»? Объясните различие между миром вещей ребенка и взрослого. Как поиск первоначальных ощущений организует игровую ситуацию в концепте «Детство»?

6. Детское видение происходящего фиксируется с помощью несобственно-прямой речи, за счет использования уменьшительно-ласкательных суффиксов. Как эта особенность мироощущения проявляется при создании образа дяди Паши?

7. Найдите интертекстуальные детали в реконструкции мира детства и объясните их назначение в концепте «Детство». Сравните описание старинных часов в рассказе Т. Толстой и старинных часов с маятником в повести А. Толстого «Детство Никиты»: «Если кот дотронется до них лапой, часы останутся, и в ту же секунду все треснет, расколется зазвенит и, как пыль, исчезнет, не станет ни зала, ни лунного света».

8. Прочитайте фрагменты из романа М. Елизарова «Библиотекарь». Охарактеризуйте семантику концепта «Библиотека». Как концепт «Книга» связан с утопическими и антиутопическими мотивами романа? Вспомните обинтертекстуальной составляющей концепта «Книга» (образ книги в романах «Вавилонская библиотека» Х.–Л. Борхеса, «Имя розы» У. Эко, «Хазарский словарь» М. Павича, «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери., «Кысь» Т. Толстой, «Метро – 2033» Д. Глуховского). Какими новыми смыслами наполняется данный концепт в романе М. Елизарова?

9. Как в романе «Библиотекарь» переосмысливается постмодернистский тезис о «смерти автора» (Р. Барт)? Что подразумевает писатель под «бессмертием» библиотекаря Алексея Вязинцева?

10. Как вербализуется в романе М.Елизарова концепт «Утопия»? Как он связан с концептами «Родина», «Детство», «Память»? Почему роман называется «Библиотекарь»? Какую роль в содержании концепта «Книга» играют оппозиции духовное/телесное, сакральное/профанное, иллюзорное/действительное?

СПИСОК ТЕКСТОВ ДЛЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

Айтматов Ч. И дольше века длится день. Плаха
Астафьев В. Последний поклон. Царь-рыба. Печальный
детектив. Жизнь прожить
Ахмадуллина Б. Избранная лирика
Битов А. Пушкинский дом. Пенелопа. Преподаватель симметрии
Бродский И. Лирика. Последний крик ястреба. Новые стансы к
Августе. Урания. Быков В. Обелиск. Сотников. Знак беды
Вампилов А. Старший сын. Утиная охота
Варламов А. Дом в деревне: Повесть сердца
Васильев Б. А зори здесь тихие. В списках не значился
Владимов Г. Верный Руслан. Генерал и его армия
Водолазкин Е. Лавр. Авиатор
Вознесенский А. Лирика. Ров. Мастера.
Высоцкий В. Избранная лирика.
Гельман А. Протокол одного заседания. Мы, нижеподписавшиеся.
Гроссман В. Жизнь и судьба. Всё течет.
Довлатов С. Заповедник. Компромисс. Зона.
Домбровский Ю. Хранитель древности. Факультет ненужных вещей
Евтушенко Е. Сборники «Идут белые снега», «Евтушенко-89».
Екимов Б. Возвращение
Елизаров М. Библиотекарь
Ерофеев Вен. Москва-Петушки.
Ерофеев В. Русская красавица. Русские цветы зла.
Каледин С. Смирненное кладбище.
Коляда Н. Мурлин Мурло. Рогатка. Сказка о мертвой царевне.
Маканин В. Один и одна. Ключарев и Алимешкин. Антилидер.
Кавказский пленный
Пелевин В. Чапаев и пустота. Омон Ра. Хрустальный мир.
Онтология детства
Петрушевская Л. Свой круг. Три девушки в голубом. Время ночь
Пригов Д. Живите в Москве. Собственные переправы на чужие
рифмы.
Пьецух Вяч. Новая московская философия
Распутин В. Деньги для Марии. Последний срок. Живи и помни.
Прощание с Матерой. Пожар. Изба. В ту же землю.
Рубцов Н. Избранная лирика.
Садур Н. Чудная баба
Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. Архипелаг ГУЛАГ
Соколов С. Школа для дураков. Тревожная куколка
Сорокин В. Очередь. Голубое сало. День опричника
Тендряков В. Донна Анна. Покушение на миражи.
Терц А. Прогулки с Пушкиным
Толстая Т. На золотом крыльце сидели. Кысь

Трифонов Ю. Обмен. Дом на Набережной. Предварительные итоги.
Улицкая Л. КазусКукоцкого. Сонечка. Искренне ваш Шурик.
Шукшин В. Калина красная. Сельские жители. Характеры.

БИблиографический список

Список рекомендуемой справочной и учебной литературы:

1. Антология художественных концептов русской литературы XX века / ред. и авт.- сост. Т.И. Васильева, Н.Л. Карпичева, В. В. Цуркан.- М. : Флинта: Наука, 2013.- 356 с.
2. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М. :Гнозис, 2007.
3. Культурология : XX век: Словарь. СПб., 1997. - С. 196- 198.
4. Степанов, Ю.С. Константы : Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2004. – С. 60.
5. Бабенко, Л.Г. Филогический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – С. 108
6. Богданова, О. Современный литературный процесс: К вопросу о постмодернизме в русской литературе 70-90-х годов XX века /О.Богданова. – СПб. , 2001.С.32-56.
7. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: В 3-х кн. Кн. 2: Семидесятые годы (1968- 1986): Учеб. пособие.- М.: Эдиториал УРСС, 2001.-С.43- 90.
8. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / В.А. Маслова. – 3-изд., испр. – М.: Флинта; Наука, 2007. – 296 с.
9. Нефагина, Г.Л. Русская проза конца XX века: Учебное пособие / Г.Л. Нефагина. – М.: Флинта: Наука, -2003.- 320 с.
10. Русская проза рубежа 20- 21 вв. : учеб. пособие (для вузов) /под ред. Т.М. Колядич.- М.: Флинта и др., 2011.- 518 с.
11. Русская литература XX века: Учеб. Пособие для студ. Высш. пед. Учеб. Заведений: В 2 т.- Т.2 1940-1990-е годы/ Л.П.Кременцов, Л.Ф.Алексеева, Н.М.Малыгина и др. Под ред. Л.П.Кременцова.- М.: «Академия», 2002.- С.442-451.
12. Скоропанова, И. Русская постмодернистская литература : учеб. пособие/ И. Скоропанова.- 2-е изд., испр.- М.: Флинта; Наука, 2000. -192 с.
а. Список рекомендуемой научной литературы:
13. Аскольдов-Алексеев, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов-Алексеев // Русская словесность. От теории к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. – М. :Academia, 1997. – С. 267–279.
14. Агеева, Г.М. О книгоцентризме романа М.Елизарова «Библиотекарь»/Г.М.Агеева// Библиотекосведение. 2010.№1. С.50-52.
15. Агеносов, В.В. Советский философский роман / В.В. Агеносов. – М.: Издательство «Прометей», МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. – С. 220 – 225.
16. Андреева, С.Л. Концепт «Хрустальный дворец» в романе Е.Замятина «Мы» в контексте мировой культуры /С.Л. Андреева// Русскоязычные писатели в современном мире / под ред. проф. М.М. Полехиной: сб. материалов Международ. науч. конференции

«Русскоязычные писатели в современном мире: литература и культура русского зарубежья». - Вена: Венский Литератор, 2014. С.99 – 105.

17. Андреева, С.Л. Об авторстве фразеологической единицы «Хрустальный дворец» сквозь призму лингвокультурологического анализа /С.Л. Андреева // Проблемы истории, филологии, культуры. №3 (45).- Москва- Магнитогорск- Новосибирск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2014. – С. 37 – 39.

18. Арсентьева, Н.Н. Становление антиутопического жанра в русской литературе / Н.Н. Арсентьева. Монография в 2-х ч. Ч. 2. – М.: Издательство МГПИ им. В.И. Ленина, 1993. – С. 183 – 355.

19. Бедрикова, М.Л. Война в изображении В. Астафьева : чудо жизни как аргумент гуманизма / М.Л. Бедрикова // «Горячий снег» фронтовых дорог : вторая мировая война в литературе и искусстве, Материалы/Международных научных чтений «Калуга на литературной карте России».- Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»), 2016.- С.262 -267.

20. Бедрикова, М.Л. «Душа и природа» в русской «деревенской прозе» и поэзии 1960- 1970-х гг.: историко – литературный аспект / М.Л. Бедрикова // «Наука, образование, общество: актуальные вопросы и перспективы развития»: Сборник науч. трудов по материалам Международной научно- практической конференции 30 сентября 2015 г. : в 4-х частях. Часть 1. М.: Изд-во «АР – Консалт», 2015. – С. 120- 122.

21. Бедрикова, М.Л. Изучение военной прозы рубежа ХХ – ХХI вв. (проблемы и имена) / М.Л. Бедрикова // «Наука, образование, общество: актуальные вопросы и перспективы развития»: Сборник науч. трудов по материалам Международной научно- практической конференции 30 сентября 2015 г. : в 4-х частях. Часть 1. М.: Изд-во «АР – Консалт», 2015. – С. 88 - 90.

22. Бедрикова, М.Л. История и судьба «деревенской прозы» в «зеркале» современного литературоведения: основные подходы, принципы исследования / М.Л. Бедрикова //«Наука и образование в ХХI веке»: Сборник науч. трудов по материалам Международной научно- практической конференции 30 июня 2015 г. : в 3 частях. Часть 1. М.: Изд-во «АР – Консалт», 2015. – С. 50- 52.

23. Бедрикова, М. Л. Концепт «душа» в поздней прозе и публицистике В. Распутина /М.Л. Бедрикова//LibriMagistri Вып.1» Литературный процесс: историческое и современное измерения.- Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2015.- С.174 – 183.

24. Бедрикова, М. Л. Концепт «Родная земля» в прозе В. Распутина последней трети ХХ – ХХI вв. как материал для антологии художественных концептов / Проблемы истории, филологии, культуры. №3 (45).- Москва- Магнитогорск- Новосибирск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2014. – С. 323 – 325.

25. Бедрикова, М.Л. К вопросу о жанровой обусловленности репрезентации признаков концепта «Смерть» в прозе В. Распутина:

опыт семантико - когнитивного анализа / М.Л. Бедрикова //Проблемы истории, филологии, культуры. Вып.2 (24).- Москва- Магнитогорск - Новосибирск, 2009. – С. 879 – 883.

26. Бедрикова, М.Л. О «вечных темах» в русской прозе конца XX века /М.Л. Бедрикова //Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIII.- Москва- Магнитогорск, 2003. – С.487 – 491.

27. Белая, Г. История литературы в контексте современной русской теоретической мысли // Вопросы литературы. 1996. Май – июнь. С. 3 -17.

28. Белая, Г.А. Как надо жить, как надо умирать / Г.А. Белая / Художественный мир современной прозы.- М.: Наука, 1983.- С.118 - 150.

29. Белая, Г.А. Парадоксы и открытия Василия Шукшина / Г.А. Белая / Художественный мир современной прозы.- М.: Наука, 1983.- С.93 - 118.

30. Болотнова, Н.С. Когнитивное направление в лингвистическом исследовании художественного текста / Н.С. Болотнова // Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике серебряного века : матер. VII Всеросс. науч.-практ.семинара / под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Томский гос. пед. ун-т, 2004. – С. 7–19. – С. 8.

31. Болотнова, Н.С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте / Н.С. Болотнова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). – 2007. – Вып. 2 (65). – С. 74–79. – С. 74.

32. Болотнова, Н.С. Художественный концепт как объект филологического исследования / Н.С. Болотнова // Стереотипность и творчество в тексте : межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 9. – Пермь, 2005. – С. 50.

33. Васильева, Т.И. Динамика концептосферы / Т.И. Васильева // Вестник Челябинского государственного университета. Филология Искусствоведение. 2012. Вып. 70. № 28 (282). С. 42-47.

34. Васильева, Т.И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта / Т.И. Васильева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (18). 2012. Часть 1. С. 51-54.

35. Васильева, Т.И. Лингвокультурный тип правдоискателя в творчестве Л.И. Бородина (материалы к антологии русских лингвокультурных типов) / Т.И. Васильева // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 105-107.

36. Васильева, Т.И. Художественная концептосфера: национальное и индивидуальное / Т.И. Васильева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (48). Часть 1. С. 37-39.

37. Война и литература. 1941-1945. Сб. материалов международного симпозиума «II Мировая война и литература».- Екатеринбург: Изд- во Уральского гос. педагог. ун-та, 2000.- 203 с.

38. Воркачëв, С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С.Г. Воркачëв // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3 : Аспекты метакоммуникативной деятельности. –

Воронеж, 2002. – С. 93. 35. Генис, А.А. Частный случай : филологическая проза / А.А. Генис. – М.: АСТ: Астрель, 2009.- 445 с.

39. «Горький ветер земли»:Библиогр. Указ. / Волгоград. ОУНБ им. М.Горького; сост. И.С. Плюхина.- Волгоград, 1998.- 74 с.

40. Долин А. Пророк в своем отечестве (Профетические, мессианские, эсхатологические мотивы в русской поэзии и общественной мысли). Эссе /А. Долин.- М.,2002.- 320 с.

41. Зусман, В. Концепт в системе гуманитарного знания / В. Зусман // Вопросы литературы. – 2003. – № 2. – С.19 - 71.

42. Зусман, В.Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка / В.Г. Зусман. – Нижний Новгород, 2001. – С. 162.

43. Иванова, Е.Б. Проза Юрия Трифонова / Н.Б. Иванова. – М.: Советский писатель, 1984.- 296 с.

44. Концепт «Война» / Антология художественных концептов русской литературы XX века / ред. и авт.- сост. Т.И. Васильева, Н.Л. Карпичева, В. В. Цуркан.- М. : Флинта: Наука, 2013.- С.21 – 55.

45. Курбатов, В. Валентин Распутин. Личность и творчество / В. Курбатов.- М., 1992.- 176 с.

46. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология / под. ред. В.П. Нерознака. – М. :Academia, 1997. – С. 156.

47. Маслова, В.А. Поэт и культура :Концептосфера Марины Цветаевой : учеб.пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта, 2004. – С. 34.

48. Миллер, Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В. Миллер // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 42.

49. Миллер, Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (На материале русской литературы) :дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Миллер. – СПб., 2004. – 303 с.

50. Маркова, Т.Н. Антиутопия в русской прозе рубежа XX – XXI веков/ Т.Н. Маркова // Трансформации жанров в литературе и фольклоре. Сб. статей научно – исследовательского центра «Трансформации жанров и стилей в новейшей литературе и фольклоре». Вып. 3. – Челябинск: Изд-во ООО «Энциклопедия», 2010.- С.3 – 18.

51. Никитина, С.Е. О концептуальном анализе в народном языке / С.Е. Никитина // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 117–131.

52. Осипова, А.А. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в художественной картине мира В.П. Астафьева : монография / А.А. Осипова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012.- 200 с.

53. Пискунов, В.М. Время и место прозы Юрия Трифонова / В.М. Пискунов. Чистый ритм Мнемозины. – М., 2005.- С. 471 – 497.

54. Прохоров, Ю.Е. В поисках концепта: Учебное пособие / Ю.Е. Прохоров. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта; Наука, 2011. - 176 с.

55. Смирнова, А.И. Русская натурфилософская проза в литературном процессе 1960 – 1980-х годов: теоретико – методологический и историко- литературный аспекты / А.И. Смирнова // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: материалы Международной научной конференции 10-11 ноября 2004 г. –М.: Изд-во Моск. ун –та, 2004.- С.145 –148.

56. Солженицын, А. Слово при вручении премии Солженицына В.Распутину 4 мая 2000 года/ А. Солженицын // Новый мир. 2000.№5.С. 186.

57. Тарасова, И.А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения / И.А. Тарасова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 742–745.

58. Цуркан, В.В. Корреляция концептов «Война», «Детство», «Память» в творчестве А. Битова / В.В. Цуркан //«Горячий снег» фронтовых дорог : вторая мировая война в литературе и искусстве, Материалы VМеждународных научных чтений «Калуга на литературной карте России».- Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»), 2016.- С.339- 343.

59. Цуркан, В.В. Корреляция «городского» и «дачного» текстов в русской литературе последней трети XX века / В.В.Цуркан// Проблемы истории, филологии, культуры . 2015. Вып.4 (50). С.263-274.

60. Цуркан, В.В. Художественная концептосфера романа М.Елизарова «Библиотекарь»/ В.В.Цуркан// Актуальные проблемы науки, техники и образования: материалы 73-й международной научно-технической конференции/ под ред. В.М.Колокольцева. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. Гос. Техн. Ун-та им. Г.И.Носова, 2015. Т.3. С.62-65.

61. Цуркан, В.В. Концепт «Пушкин» в романе А.Битова «Пушкинский дом» /В.В.Цуркан// Пушкин: Альманах / Под ред. проф. С.Г.Шулежковой.- Магнитогорск: МаГУ, 2004.-Вып. 4. С. 196-206.

62. Цуркан, В.В. Концепт «игра» в творчестве А.Битова 1960-1970-х гг. / В.В.Цуркан //LIBRI MAGISTRI. 2015.Вып.1. Литературный процесс: историческое и современное измерения. С.168-174.

63. Цуркан, В.В. Концепт «Круг» в прозе А.Битова (Материалы для антологии концептов литературы второй половины XX в.) /Цуркан В.В.// Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. Вып.3 (45). С.359-362.

64. Чурилина, Л.Н. Метафорическая модель с компонентом «дом» в современном православном дискурсе: словарное описание / Л.Н. Чурилина // Проблемы истории, филологии, культуры. №3 (45).- Москва-Магнитогорск- Новосибирск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2014. – С. 97 -99.

65. Эпштейн, М. Каталог новых поэзий / М. Эпштейн / Постмодерн в России :Литература и Теория. М.: Изд-во Р. Элинина, 2000 .- С.138 – 141.

Учебное текстовое электронное издание

**Бедрикова Майя Леонидовна
Цуркан Вероника Валентиновна**

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(РУССКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА)**

Хрестоматия

0,79 Мб

1 электрон. опт. диск

г. Магнитогорск, 2017 год
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»
Адрес: 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск,
пр. Ленина 38

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
Кафедра языкознания и литературы
Центр электронных образовательных ресурсов и
дистанционных образовательных технологий
e-mail: ceor_dot@mail.ru